

А.Ю. БЫКОВ*

*Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия
(E-mail: baju72@mail.ru)*

Решение властями Российской империи «мусульманского вопроса» у казахов

В статье рассмотрены вопросы эволюции имперской российской правительственной и региональной политики по так называемому «мусульманскому вопросу» у казахов. Предпринята попытка периодизации от неприятия казахского ислама к его использованию в качестве инструмента инкорпорации казахов в имперские структуры с помощью татарских мулл и специально созданных органов, в первую очередь, муфтиата, к возникновению двух параллельных линий в политике оренбургских и западно-сибирских властей к настороженному отношению со стороны правительства, заметившему в казахском исламе элементы политизации и угрозы развития сепаратистских тенденций. Параллельно изучены вопросы просвещения с использованием элементов исламского образования, расширения проникновения ислама в казахскую среду за счет изменения количества отправителей культа, попытках властей использовать исламские институты в качестве официальных должностей низовой колониальной администрации. Также рассмотрены вопросы эволюции восприятия казахского и среднеазиатского ислама администрацией, путешественниками, исследователями; а также восприятия проводившихся реформ казахами. Эволюция политического процесса исследована в связи с другими административными реформами России в казахской степи и среди мусульман империи, определены место и роль этого вопроса в колониальной политике на различных этапах. Также проанализирована коррекция позиции российских властей в зависимости от изменения внешнеполитической ситуации и изменения границ владений. Источниковый комплекс составили опубликованные и архивные документы и материалы из хранилищ России, Казахстана и Узбекистана, некоторые из них впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: Российская империя, ислам, мусульманский вопрос, православие, казахи, религиозная политика, пограничье, модернизация, Степной край, мулла, мечеть, муфтиат, периодизация.

Ведение[†]

Проникновение ислама на территорию Казахстана — процесс длительный, протекавший с разной степенью интенсивности. Его начало относится к арабским завоеваниям Мавераннахра и центральноазиатского Семиречья. С IX–X вв. археологи фиксируют во многих городах наличие мусульманских кварталов, однако мусульманство не было в то время единственной или доминирующей конфессией. Значительная часть населения исповедовала христианство несторианского толка, появившееся в Центральной Азии в V в. Так, в домонгольскую эпоху значительная часть киданей (кара-китаев) в государстве Елюй Даци, керитов (кереев), уйгур и гузов были христианами [1; 269–294]. К христианам относилась часть населения Хазарского каганата, хотя здесь доминировали язычество у кочевников и иудаизм у горожан [2; 262–264]. Путешествовавший под видом дервиша-паломника А. Вамбери оставил свидетельство, что даже в середине XIX в. в Средней Азии оставались несториане, которых именовали «гяурами» (иноверцами) [3; 111]. Проникновение буддизма в тюркскую среду и в Мавераннахр начинается с VI в. Уже в VII в. буддизм стал государственной религией в Западно-Тюркском каганате. Он играл существенную роль в Восточно-Тюркском каганате, у уйгур, енисейских киргизов и присырдарьинских огузов [4; 151, 152]. Таким образом, в домонгольскую эпоху на территории современного Казахстана и за его пределами среди племен, сформировавших позднее казахский этнос, были представлены все мировые религии, а также иные как моно-, так и политеистические культы. Помимо мировых религий, среди населения имели хождение иудаизм, манихейство, широкое распространение имели анимизм, шаманизм и тотемизм. Пестрая этноконфессиональная картина Центральной Азии еще более усложнилась в раннемонгольскую эпоху в связи со значительными миграционными потоками, вызванными монгольскими завоеваниями.

* Автор-корреспондент. E-mail: baju72@mail.ru

[†] Выводы автора по ряду рассматриваемых сюжетов и процессов расходятся с существующими оценками казахстанских, российских и авторов из так называемого дальнего зарубежья. В основу анализа положено эмпирическое изучение опубликованных и архивных материалов, а также фактологии, введенной в оборот предшествующими и современными исследователями. — А.Б.

В пантеоне богов ранних тюрков доминировал культ Тенгри (Неба), Умай (верховное женское божество), Ер (Земля), Еркилинг (подземное царство, часто олицетворявшее темные силы). Обожествлялись животные, особенно лошади, различные силы природы. Несомненно, культы предшествующего населения, а также религиозные представления этнических групп, из которых постепенно сформировался казахский народ, наложили определенный отпечаток на общественное сознание казахов. О том, что в рудиментарном виде у казахов в 20-х гг. XIX в. сохранились остатки иных религиозных систем и об эклектизме религиозной системы казахов, оставил сообщение А.И. Левшин: «Какой вы веры?» — спросил я однажды двух киргиз-казахов (*казахов.* — А.Б.). «Не знаем», — отвечали они. Ответ сей услышите от большей части их соотечественников. И в самом деле, трудно решить, что такое киргизы (*казахи.* — А.Б.) — магометане, манихейцы или язычники?» [5; 313]. Следует отметить, что современные исследователи ставят под сомнение вывод «Геродота киргизской истории», или во всяком случае его следует рассматривать в качестве дискуссионного [6; 219–242].

После закрепления ислама в качестве государственной религии при хане Узбеке в Золотой орде в непродолжительное время была исламизирована монгольская знать. К XV в. ислам стал доминирующей религией в оседло-земледельческих районах Поволжья и Средней Азии. В Средней Азии возникли два мусульманских суннитских ордена: Накшбандийя и Ясавийя. В этнических группах Мавераннахра появился новый аристократический слой — *ок-суйяк* (белая кость). Его составили верхние слои мусульманской знати, относившие себя к потомкам Али, четвертого халифа первого халифата [7; 63–79]*. В Средней Азии сословие ак-суйяк делилось на более родовитых сейидов и менее родовитых ходжей. Среди казахов сейидов не было, в то же время существовал род кожа (в русских источниках часто — ходжа), которые, на наш взгляд, близки по происхождению, но не по социально-политическому статусу к сейидам Средней Азии. Эндогамный род кожа занимал привилегированное положение, составляя обособленное сословие асыл-суйек (хорошая кость). Вместе с тем казахи к белой кости (ак-суйек) их не относили. Ч.Ч. Валиханов замечал, что «кайсаки (*казахи.* — А.Б.) ходжей не относят к белой кости, а уважают их наравне с султанами, как лиц духовных, строгих исполнителей предписаний шариата и как потомков пророка» [цит. по: 8; 51]. С 1860-х гг., что связано с присоединением среднеазиатских владений Российской империей, в казахской степи появляются именно среднеазиатские ходжи, которые обычно проживали в аулах султанов, где ходжи «приобретали и сами почет, передавая его в наследство детям, не оставлявшим по этому своей профессии и выгодного положения быть приближенными известного султана» [9; 405].

Представители российского правительства в 1820-х гг. в то же время констатировали, что казахи о магометанстве «понятия не имели, почти и по имени, не считая себя мусульманами» [10; 46 об.].

Источники содержат и прямо противоположную оценку степени исламизации казахов. Например, в написанной на персидском языке рукописи 1725 г. Ходжамкули-бека Балхи «Т'арих-и Кипчакхани» казахи названы «жестокими мусульманами», которые из всех представителей антиджунгарской мусульманской коалиции оказали самое сильное противодействие западным монголам и, в отличие от жителей Ташкента и Андижана, они не стали платить захватчикам мусульманского хараджа [11; 265, 266].

Доверять подобным сообщениям историографии об уровне религиозности казахов следует с большой степенью осторожности. Гораздо более достоверными представляются свидетельства современников о том, что до включения в состав Российской империи казахи были слабо исламизированным народом. Так, например, ибн Рузбехан Исфাহани, автор XV в., сообщал, что среди казахов «сохраняются идолопоклоннические изображения, которым они поклоняются, что несовместимо с мусульманством. Кроме поклонения идолам у казахов имеются и другие признаки неверия... при восходе солнца делают ему земной поклон и благодарность за то, что оно выращивает кормовые травы, которыми питаются домашние животные, дающие кумыс» [цит. по: 12; 115]. Попавший в плен к казахам в 1774 г. Ф. Ефремов сообщил позднее, что они «вероисповедания магометанского, но понятия об оном имеют, по-видимому, весьма слабое, так что кажется будто бы совсем не имеют никакой веры. Муллы иногда приходят к ним для отправления богослужения, но и только не на долгое время» [13; 194]. О том же оставил свидетельство И. Шангин, посещавший Средний жуз во втором десятилетии XIX в. [14; 92], другие путешественники и представители администрации. Материалы археологи-

* В отношении генеалогического происхождения эндогамной группы *ак-суйяк* у узбеков и таджиков среди исследователей нет единого мнения. Высказывались три точки зрения: представители белой кости — действительные потомки арабских завоевателей, представители местной знати, приписавшие себе происхождение от пророка, и, наконец, ак-суйяк представляют собой смешанную группу из потомков арабских завоевателей и местной тюрко-иранской знати.

ческих исследований свидетельствуют о применении в XIX в. в ритуальной практике казахов Мангышлака (Младший жуз, род адай) фресок с зооморфным орнаментом и скульптурок людей и животных различной величины [15; 255–263], что несовместимо с догматикой ортодоксального ислама. Известно также, что из пяти основных догм ислама* казахи строго ни одного не соблюдали. Это объясняется особенностями способа хозяйственной деятельности казахов, основой которого являлось кочевое и полукочевое меридианальное скотоводство азиатского типа [16–18]. Даже в начале XX в. известный этнограф К. Ельницкий констатировал, что единственное предписание относительно регулярно соблюдаемое казахами — это пост в «рамазан, бывающий летом и продолжающийся целый месяц» [19; 103].

Русские чиновники и путешественники XVIII в. многократно отмечали принадлежность казахов к мусульманской культуре, особо подчеркивалось почтение, оказываемое казахами мусульманским проповедникам и известным святым, уважение знатными казахами мусульманского образования и употребление арабской графики в письме. Вместе с тем отмечалось слабое проникновение этой религии в сознание большинства кочевников-казахов и ее незначительное влияние на решение экономических и политических вопросов. В «Известии о киргис-казацком народе, сочиненном в Коллегии Иностранных дел», отмечалось, что «народ содержит закон магометанской, ... соблюдая только с небольшой рачительностью внешние обряды; причина тому, что весьма немногие из них умеют читать и писать, почитая знающих в том мудрецов, превосходных и некоторым образом за свярых» [20; 4–4 об.]. Подобные сообщения коррелируются с известиями о гораздо более высокой исламизации традиционных аристократических слоев казахов по сравнению с основной массой шаруа [21; 210–212, 221]. Вместе с тем даже значительная часть султанского сословия не была знакома с основными канонами ислама. Альфред Брем, посетивший казахские степи в конце XIX в., сообщал, что ни один из казахских султанов не знает текста Корана дальше «фаты» (Аль-Фатиха — первая сура) [22].

Кроме того, казахами почитались среднеазиатские ходжи. Иногда их позиция, которая зачастую определялась среднеазиатскими правителями, могла влиять на внешнеполитические акции казахов. Согласно донесению князя Максютова, одной из причин отказа от вторжения в Хивинское ханство в 1775 г. стал запрет со стороны некоего ходжи на военные действия против единоверцев-магометан [5; 228]. Ходжами среди казахов XVIII–XIX вв. называли также отшельников, причем среди них преимущественно были выходцы из Мавераннахра, и существуют лишь единичные упоминания об отшельниках-казахах. Так, польский ссыльный Б. Залесский оставил рассказ о том, что на Мангышлаке он посетил могилу святого отшельника Далисмана, который, по сведениям казахов, был султаном. На вопрос о том, в чем проявилась святость Далисман-султана, казахи отвечали, что «он был набожен, помогал своим ближним, вел благочестивый образ жизни, соблюдал большие посты, никогда не пил кумыс, а пил только айран» [23, 121]. А.И. Левшин отмечал, что среди казахов заслужить звание «святого» можно было просто строительством мечети, как это произошло, например, с Кара-Булатом из рода торт-кара [5; 298, прим. авт.].

Важную роль в религиозной жизни казахов, несомненно, играли муллы. До последней трети XVIII в. практически все они являлись выходцами из Средней Азии, лишь в редких случаях муллами были казахи, получившие образование в медресе Самарканда, Бухары, Хивы и Ташкента. Именно муллы были основными проповедниками ислама среди казахов, отправляя основные обряды и выполняя образовательную функцию [19; 103]. Посетивший кочевья Среднего жуза в 1794 г. И. Сиверс писал в одном из своих писем: «Когда киргизам (*казахам*. — А.Б.) нужны грамотные писари, то они обращаются к ташкентским муллам, которые в расчете и на эту услугу в определенное время появляются в степи. Они совершают обряд обрезания детям, отправляют богослужения, берут на себя роль врачей, у них же можно получить амулеты» [24; 43, 44].

Весьма незначительную роль у казахов играли мусульманские судьи — казии (аналог кадиев). Есть свидетельства о наличии таких судей при ряде ханов (Арынгазы [25; 69, 70]†, Кенесары и др.), существует также информация, что казахи давали присягу на священной книге мусульман — Коране, однако гораздо более достоверной у них считалась клятва именем, так называемый обряд «атым беру» [26; 8–11], [27, 18]‡, а ряд ханов (Тауке [28; 6, 7], Каратай [29; 11] и другие) содержали при своих

* 1) Вера в то, что нет Бога, кроме Аллаха, а Мухаммед есть посланник Аллаха (шахада); 2) пятикратное ежедневное совершение молитвы (салат); 3) милостыня в пользу бедных (закят); 4) пост в месяце Рамадан (саум); 5) паломничество в Мекку (хадж), совершаемое хотя бы единожды в жизни.

† Арынгазы упорядочил сбор зякета и хараджа. Казием при Арынгазы был мулла.

‡ «Атым беру» — с каз. букв. — «отдавать в залог имя», означает одновременно поклясться предками и родом.

ставках только биев. Интересно, что ханы, имевшие в своих ставках казиев, одевались по-разному. Выступавший против России Кенесары Касымов носил мундир царского полковника, а выступавший против Хивы Арынгазы Абулгазиев — мусульманский наряд. Вот как описывал его внешность Е.К. Мейендорф: «На голове у него была чалма, что совершенно не принято в этой пустыне, но считается признаком благочестия со стороны магометанина, стремившегося отличить себя от киргизской (*казахской*. — А.Б.) массы» [30; 28]. Применение шариата* — правовых норм, основанных на Коране, регулирующих культовое поведение и взаимоотношения людей — в традиционном казахском судопроизводстве было весьма ограниченным. Основой правовых отношений являлся адат† — обычное право, кодифицированное в ряде сводов.

Помимо мулл, казиев и кожа, у казахов, возможно, имелись и некоторые другие категории отпавителей мусульманского культа. Так, существует неатрибутированное свидетельство, относящееся к 1755 г., о грамотных мусульманах-йобызах: «...вера у всех у них (*казахов*. — А.Б.), как и протчих татар, магометанская, но понеже между ими грамотных людей *йобызов* (*курсив и выделение наши*. — А.Б.) весьма мало, потому они и содержат закон сей слабо. И никаких мечетей в орде (*Младшем жузе*. — А.Б.) у них не имеется» [31; 70].

Помимо различий, в мусульманской религиозности между слоями казахского социума существовали отличия в степени мусульманизации разных родоплеменных структур казахов в зависимости от дисперсности/анклавности проживания и уровня исламизации соседних народов [32; 485–494], [33; 180–188], [34; 167–176].

Объяснение дисбаланса в уровне религиозности исследователи видят именно в локализации населения. Казахи Старшего жуза традиционно кочевали значительную часть года в районах, близких к городам и поселкам Средней Азии. Эти роды гораздо чаще посещались муллами и мусульманскими миссионерами, значительная часть казахов Старшего жуза долгое время находилась под политическим господством среднеазиатских правителей Бухары, Коканда и Хивы. Этногеографический фактор в данном случае играет одну из приоритетных ролей. Вместе с тем он не может полностью объяснить дисбаланс в степени мусульманизации казахов XVIII–XIX вв., поскольку, помимо казахов Старшего жуза, в Юго-Восточном Казахстане имели зимние кочевья казахи Среднего и Младшего жузов. Более того, часть казахских родов Среднего жуза находилась в политической зависимости от Коканда, а часть родов Младшего жуза — от Хивинского ханства. Весьма вероятным объяснением этого феномена может служить локализация представителей кожа среди казахских родов. Не имея собственной родовой территории (так же, как чингизиды), представители этого эндогамного рода были расселены среди всех казахских родов, не оставаясь постоянно в каком-то одном патронимическом звене. Однако концентрация представителей кожа среди казахов Старшего жуза и их влияние в этих родах соответственно были гораздо выше, чем среди казахов Младшего и, особенно, Среднего жузов, где гегемония принадлежала осекидам и жадигидам соответственно [35; 119–135]. С середины XIX в. в Южном Казахстане даже стали образовываться отдельные оседлые поселения кожа, отразившиеся в топонимике [3; 114]. В отличие от жителей среднеазиатских поселений, казахами даже Южного Казахстана крайне редко использовалась риторика религиозной нетерпимости. Практически все современники отмечали нефанатичность казахов-мусульман. Так, в конце XIX в. военный губернатор Ферганской области А.П. Чайковский в рапорте Туркестанскому генерал-губернатору С.М. Духовскому подчеркивал, что «инородцы степных областей, будучи мусульманами, в вероисповедном отношении относятся к своей религии индифферентно, инородцы Западного Туркестана — ярые фанатики, проникнутые убеждением о возложенной на них Кораном обязанности вести священную войну против христиан» [36; 80].

Многие султаны, конечно, считали себя истыми мусульманами и даже апеллировали к мусульманству во время решения внешнеполитических вопросов. Так, известно, что в 1763–1764 гг. султан Аблай, правитель большей части родов Среднего и частично родов Старшего жузов, поддержал идею афганского правителя Ахмад-шаха о создании антицинской коалиции на основе консолидации усилий мусульманских стран Центральной Азии [37; 103]. Апелляция к мусульманской традиции использовалась казахскими владельцами и в переписке с российскими властями, причем эта традиция весьма умело адаптировалась к имперским реалиям. Так, султан Барак в письме к оренбургскому генерал-губернатору И.И. Неплюеву, полученному 27 июня 1747 г., перечисляя титулатуру, обратился

* Шариат — от араб. «шариа» — прямой, правильный путь.

† Адат — от араб. «адат» — обычай.

к российской императрице Елизавете Петровне, используя между прочими и следующий оборот: «Всего мусульманского закона старья и младья и все убогие люди у единого бога просят, дабы бог даровал всемилостивейшей государыне щастия и здравия яко Александру, царю Македонскому» [38; 198].

Основная часть (обсуждение)

Процесс присоединения Казахстана к России растянулся почти на полтора столетия, включив период с 30-х гг. XVIII в. до 60-х гг. XIX в. Российские власти должны были решать, какими способами и средствами наиболее удобно организовать управление вновь включенными территориями и населением. Одной из составляющих их решения являлось отношение правительства, губернских властей и местной, так называемой низовой, администрации к религиозной политике. С одной стороны, государственной религией империи являлось православное христианство. Вплоть до времени правления Екатерины II в России предпринимались шаги, ущемлявшие права иных религиозных конфессий и толков, в том числе мусульманской религии. Более того, практически до середины XVIII в. проводились мероприятия по сносу мечетей в Поволжье, Приуралье и Западной Сибири. Так, только за период 1736–1747 гг. по татарской дороге из 192 имевшихся мечетей было разрушено 127, в Татарской слободе, Казани, у ногайцев и в ряде других мест «сломаны 418, не сломаны 118 мечетей», в Тобольском уезде снесено 66 мечетей, еще 4 были уничтожены «на нижнем посаде» в самом городе Тобольске [39; 153 об.–154, 280, 285]. К 1756 г. только в Тобольске, Таре и в уездах из имевшихся 133 мечетей было сломано 98, оставлено и вновь построено 35 [40; док. №10.597; 609].

В отношении казахов нельзя безапелляционно утверждать об исключительно антимусульманской религиозной политике Российской империи на раннем этапе включения. Об этом свидетельствуют многочисленные факты и документы. Так, еще в 1730-х гг. правительство рекомендовало строительство для казахской знати мечетей [41; 2 об.], а в 1734 г. была предпринята попытка распространить на казахов положения исламского права, для чего «переводится ныне на русской язык арабское уложение» [42; 19]. Императрица Елизавета в 1744 и 1747 гг. своими именными указами разрешила ремонтировать часть старых и строить новые мечети в Астраханской губернии, Тобольске, Тюмени и Таре для торговцев из Средней Азии, оседавших в городах и приезжавших временно торговцев, в том числе казахов, из расчета одна мечеть на 300 постоянных жителей (мужчин). В результате в приграничных с казахами землях Сибирской губернии в 1747 г. действовало 23 мечети [39; 4, 5, 23 об., 278–278 об., 282–285]. Параллельно с этим осевших в российских окраинах среднеазиатских купцов пытались привлечь в православие, а также к торговле с казахами в степных районах, с одновременным выполнением функций слежения за внутривластной ситуацией у казахов и их лояльности российским властям. Ярким примером этого может служить деятельность в середине XVIII в. осевшего в Тобольске выходца из Бухары Алима Шихова [43; 7].

Утверждение идеологии просвещения способствовало дальнейшему становлению и поддержке политики веротерпимости, которая была более приемлема ввиду полиэтничности и поликонфессиональности Российской империи [44; 125]. К последней трети XIX в. вновь предпринимаются попытки усилить роль и влияние православия, что связывается со строительством государства-нации и угрозой сепаратизма на религиозной основе [45–47]. Эта схема — весьма условный рабочий инструмент историка. Она не имеет прямых казуальных зависимостей. В ней масса исключений, региональных особенностей и погрешностей. Однако (именно в качестве рабочего инструмента) мы принимаем ее за основу периодизации отношения Российской империи к неправославным культурам.

Представляется справедливым заключение известного австрийского исследователя А. Каппелера о причинах амбивалентного отношения российских властей к так называемому мусульманскому вопросу. Он подчеркивает, что в «отношениях России с миром ислама постоянно существовали две разные линии: агрессивная, характеризовавшаяся стремлением к насильственной ассимиляции или к сегрегации мусульман на основе господствующих идеологий (христианской, европоцентристской, советско-атеистической), и прагматическая, гибкая, для которой характерно желание обеспечить стабильность в периферийных регионах империи» [48; 130].

Принадлежность к мусульманской религии не являлась основанием для продвижения по служебной лестнице, но и не была существенным препятствием. Первым генералом-мусульманином стал А.И. Тевкелев [49; 32–37], принимавший первые присяги о верноподданстве Российской империи от казахских правителей. Выбор правительством именно этой фигуры обуславливался во многом его профессиональной принадлежностью — «единоверством» [50; 117]. Первым казахом, дослужив-

шимся в 1847 г. до чина генерал-майора, стал султан-правитель Западной части Меньшей орды Баймухаммед Айчуваков [51; 69]. Согласно законодательству 1820–1840-х гг., казахские заседатели в диванах (окружных правлениях) имели чин майоров, старшие султаны и султаны-правители — полковников. Казахи, трижды выбранные на должность старшего султана внешнего округа, получали российское дворянство. Также дворянство давалось за особенные заслуги перед империей. Более того, мусульмане, в том числе казахи, получали ордена и медали Российской империи, однако для них существовали особые знаки — без креста [8; 16 (прим.)]. Казахи получали княжеские титулы, в XIX в. возникло несколько казахских мусульманских дворянских родов — Баймухаммедовых, Байтокиных, Бекмухаммедовых, Беркимбаевых, Валихановых, Газиных-Букеевых, Джайкпаевых, Джантюриных, Коченовых, Тезковых, Тяукиных, Шанхаевых, Чингисовых, Худаймендиных [52; 73–325]. Некоторые казахи, начиная с середины XVIII в., время от времени жаловались служилым дворянством.

Следует отметить, что до периода реформ О.А. Игельстрома российские власти старались не артикулировать свое отношение к религиозности казахов. Во-первых, происходил процесс накопления знаний об этой этнической группе; во-вторых, степень включенности в имперские структуры даже принявших подданство казахов была низкой; и, в-третьих, сохранение *status quo* на первом этапе межцивилизационных взаимоотношений — один из наиболее приемлемых вариантов взаимодействия, и к 1730-м годам российскими властями уже была накоплена достаточная практика такого взаимодействия с иными этническими и конфессиональными группами. В начале XX в. Степной генерал-губернатор М.А. Таубе, оценивая тот период, отмечал, что «в начале нашего владычества в степи политические интересы требовали утверждения в киргизском (*казахском*. — А.Б.) народе и во всей Средней Азии убеждения в неприкосновенности их веры» [цит. по: 53; 69]. История российско-казахских отношений, таким образом, не была историей противостояния православного христианства и суннитского ислама. Даже на начальном этапе на практике не было сделано ничего, чтобы могло способствовать переходу казахов в православие. И это несмотря на то, что фактический основатель Оренбургской губернии В.Н. Татищев в теории признавал необходимость христианизации народов окраинных губерний посредством народного образования [54; 215]. Пожалуй, единственным средством, которое попытались применить российские власти для поощрения казахов к переходу в православие, стало решение Сената, принятое в 1759 г., о выплате новообращенным казенного жалования в размере 20–25 руб. в год [55; 73]. Однако этой льготой воспользовались лишь единицы казахов, главным образом те, кто сознательно перешел в казачье сословие и осел.

Первый оренбургский губернатор И.И. Неплюев считал целесообразным использовать татар, преимущественно из Сеитовой слободы, для налаживания торговых отношений с купцами из Средней Азии, Кашгара и казахами. Для этого он считал возможным и целесообразным разрешать предстателям из татар проводить в казахской степи религиозные обряды [56; 134–141].

Во второй половине XVIII в. отношение властей к религиозности казахов постепенно стало изменяться, и в соответствии с ним начала выстраиваться религиозная политика. Российская администрация полагала вполне вероятным, что одним из средств присоединения и дальнейшей интеграции Казахстана в Российскую империю может служить строительство мечей и иных культовых сооружений вблизи пограничных линий. Российское правительство считало, что строительством мечетей казахи будут привлечены «к границам нашим; сие и может послужить со временем способом к воздержанию их от своевольств лучше всяких строгих мер» [цит. по: 57; 153]. Это же должно было способствовать созданию условий для организации упорядоченного регулярного налогообложения кочевников. Более того, предполагалось, что строительство культовых сооружений вдалеке от российских военных форпостов внутри казахской степи также будет способствовать развитию верноподданничества. Например, в своем путевом дневнике И. Шангин в начале XIX в. отмечал по поводу строительства мусульманского храма в Среднем жузе: «Я осмеливаюсь думать, что сооружение такового храма вреди Орды с приличным понятием оной поразительными украшениями — сделает неминуемое, самопроизвольное покорение оной» [58; 92 об.]. В екатерининскую эпоху были построены временные и постоянные мечети в Оренбурге, Верхнеуральске, Троицке, Петропавловске и несколько мечетей вдоль линий на степной стороне, в том числе на могиле хана, первым принесшего присягу на верность и подданство Российской империи, — Абулхаира [5; 341]*.

* На могиле Абулхаира прижилось дерево, из-за чего покойного хана стали считать святым. Конечно, были и другие причины отнести его к святым.

6 марта 1802 г. был издан специальный циркуляр, который регламентировал порядок прошений со стороны казахов на строительство культовых сооружений властями. Главнейшим условием являлось нахождение в российском подданстве не менее трех лет «на отведенных землях» на внутренней стороне. Первым, кому, в соответствии с новыми правилами, была построена мечеть на Иртыше, стал султан Чанчар Султанмаметов [55; 142], одним из последних — Казбек Байсынкареев, мечеть которому была возведена в 1818 г. [59; 186, 187]. Переписка губернских властей с казахами, принимавшими российское подданство, свидетельствует, что посланные в казахские степи татарские муллы сыграли в ряде случаев в решении этого вопроса существенную роль. В частности, в письме к М.П. Капцевичу казахи найманского рода отмечали, что именно муллы Габдулнасыр Рафиков и Бийхурмет Мухамедаминов, «обучающие нас закону пророка Магомеда, во время нахождения в нашем владении они рекомендовали российского государя и империю, хвалили величество его и показали путь деланием народу нашему наставлений и советов ко вступлению в подданство, говоря, что народ сей чрез то получит многие выгоды» [60; 500].

Строительство российскими властями сооружений для отправления обрядов мусульманского культа казахами зачастую тактически предопределялось внешнеполитической необходимостью. Так, строительство мавзолея на могиле Абулхаир-хана было выбрано одним из средств предотвращения брачного союза дочери хана Нуралы с джунгарским правителем Цэван-Доржи. Оренбургские власти полагали, что этот брак может послужить к усилению военных действий Джунгарского ханства против российских южно-сибирских городов, поскольку Джунгария будет определенным образом гарантирована от набегов со стороны казахов [50; 126]. В качестве аргументов по предотвращению этого брачного контракта российские власти приводили последовательную антиджунгарскую позицию отца Нуралы — Абулхаир-хана, а также конфессиональные различия казахов (мусульман-суннитов) и западных монголов (буддистов ламаистского толка). Аналогичным образом сибирские власти поступили, потратив около 5 тыс. руб. на строительство мечети для вдовы хана Вали, с целью предотвратить попытки ее сына — султана Габайдуллы добиться собственного утверждения в ханском достоинстве со стороны цинских властей [8; 16].

Со стороны среднеазиатских государств также прилагались усилия по использованию мусульманской религии для организации подчиненного казахского населения. В частности, Хива и Коканд ввели по отношению к кочевым казахам традиционный мусульманский сбор — зякет (закят) — в качестве регулярного налога. Только в Хиве размер его в начале 1840-х гг. доходил до 1 млн руб. асс. в год [61; 92-а]. Казахскими ханами и султанами он также использовался, но был нерегулярным, не имел фиксированных размеров и носил форму выражения патриархального почтения. С оседлых присырдарьинских казахов хивинскими сборщиками податей взимался 10 %-й харадж* с поливных угодий и 20 %-й — с богарных [62; 2–3 об.], [63; 81, 82]. Российские власти некоторое время были даже согласны на уплату казахами мусульманского зякета Хиве с учетом признания за казахами-двоеданцами (де факто) российского подданства [64; 35, 36]. Вообще, российское правительство не считало взимание зякета прерогативой мусульманских государств. Во Внутренней орде оренбургские и астраханские власти в течение более половины XIX в. взимали зякет в качестве официального налога в пользу Российской империи [65; 45].

О попытках использования мусульманского духовенства в политических целях в 1780-х гг., в частности, для изменения системы управления казахами Младшего и частично Среднего жузов через созданный в 1788–1789 гг. российскими властями Уфимский/Оренбургский муфтиат (Духовное Собрание) [66; 11], можно судить по такому известному источнику, как журнал муфтия Мухаммеджана Хусаинова [67; 117–220].

Важным институтом, который планировалось использовать для более тесной интеграции казахов в российские имперские структуры, являлись муллы. Первоначально важнейшим в этом вопросе считалось отвратить казахов от влияния среднеазиатских мулл по причине опасности включения казахов в тюрко-мусульманскую антироссийскую коалицию под эгидой Османской империи [68, 281; 69; 814]. Помимо направления в степь в качестве мулл казанских татар, которые должны были заменить среднеазиатских мусульманских учителей, российским правительством предпринимались попытки обучения казахов в России, чтобы сами казахи могли быть муллами. Так, 29 сентября 1789 г. О.А. Игельстром доносил, что в Оренбург прибыли казахские муллы с просьбой предоставить им возможность ознакомления с процедурой богослужения в Сеитовом посаде. Ими также была выражена

* «Ушур» от араб. «гашара» — десять (десятина).

надежда, что в Младший жуз будет направлен «ученый мулла для продолжения их учения» [70; 93, 94]. Сеитова слобода близ Оренбурга с ее знаменитым меновым двором достаточно быстро стала не только центром торгово-экономических отношений, но и одним из признанных религиозных центров региона. Вполне закономерно, что именно здесь в 1755 г. российскими властями было разрешено строительство мечети в степи [71; 21, 22].

В последней трети XVIII в. властями неоднократно вносились предложения о необходимости наделения отправителей мусульманского культа определенными полномочиями в рамках имперской институциональной структуры. Так, первый российский член-корреспондент Академии наук, являвшийся долгое время одной из центральных фигур оренбургской губернской администрации, П.И. Рычков докладывал правительству о целесообразности использования мулл во внутриказахском судопроизводстве. По его мнению, между ними должна быть введена определенная должностная иерархия, и главный мулла должен быть подчинен хану или султану [28; 11 об.–12 об.]. В создававшихся по реформе О.А. Игельстрома расправах планировалось учредить должность муллы «для письмоводства» [72; 269].

В последней четверти XVIII в. правительство сознательно пошло на отступление от ранее установленных правил о содержании духовенства за счет приходской общины и стало выплачивать муллам, набираемым из татарских мусульман, жалованье за казенный счет. Жалованье должно было стать не только средством поощрения, но и показателем защиты мулл от возможных попыток их преследования со стороны казахов. В рескрипте, подписанном Екатериной II 3 июня 1785 г., отмечалась необходимость создания таких условий, чтоб выбранных из казанских или иных татар мулл «не подвергнуть их опасности по своевольству киргизов (*казахов*. — А.Б.). Впрочем, жалованье сильно будет утверждать киргизов в принятии и сохранении их» [73; 521]. Редко, но случалось, что татары выступали в качестве тех, кто оказывал поддержку беглым со службы солдатам, укрывавшимся в казахской степи и, будучи знакомыми с устройством пограничной стражи, выступавшими проводниками в нападениях казахов на линейные поселения [74; 12].

Татарские муллы, следовавшие в Младший жуз, специально подбирались или утверждались оренбургскими губернскими властями. По мнению правительства, они могли стать одним из важных звеньев создаваемой системы местного управления во главе с Пограничным судом и расправами. Низовой формой управления должен был стать род, в каждом из которых предполагалось иметь как минимум одного муллу. Екатерина II в одном из своих писем к О.А. Игельstromу заметила по этому поводу, что «снабжение родов киргизских (*казахских*. — А.Б.) муллами немалую пользу принести может». Причем перед казанскими муллами, направленными в казахскую степь, ставились задачи усиления верноподданничества казахов России [69; 822; 75; 234]. На «татар хорошего поведения» возлагалась и фискальная функция «приведения в известность» численности казахов [60; 498]. Служители Оренбургского/Уфимского муфтиата также получали казенное жалованье. Причем правительство вмешивалось в выборы главы этого органа, считая его одним из важных рычагов реализации своей политики по отношению к казахам и в целом внешней политики на Востоке [76]. Причем, это касалось не только мулл, контролировавшихся оренбургскими властями, но и ахунов. После смерти М. Хусаинова следующий муфтий — Г. Габдрахимов — был назначен лично императором Александром I [77; 24].

Российские власти полагали, что отправители мусульманского культа могут принести пользу и в вопросах изменения хозяйствования казахов. По предложению генерал-майора Я. Боувера, муллы должны были служить посредниками в деле перевода казахов-кочевников на оседлость. В частности, они могли привить казахам основы сенокосения [59; 147].

Как известно, значительная часть начинаний О.А. Игельстрома оказалась нереализованной. Справедливо замечание Б.М. Абдрахмановой, что для их осуществления в тот период еще не созрели объективные условия [78; 14]. Вместе с тем, несомненно, что в том числе благодаря политике российских властей в XVIII–первой половине XIX вв. происходило постепенное усиление позиций казанских мулл в Младшем жузе. Особенно четко это прослеживается в Букеевской (Внутренней) орде/ханстве, созданной в 1801 г. в волжско-уральском междуречье. Здесь российскими властями за прещалось находиться муллам — выходцам из среднеазиатских государств, а татарские муллы специально направлялись в Ханскую ставку. Особенно много казанских мулл было в Букеевском ханстве при хане Джангире, и они смогли создать здесь привилегированную изолированную социальную группу [79; 76].

Стремление российских властей использовать ислам — как мировую религию — в цивилизаторских целях, согласно господствовавшей в высших слоях российского общества идеологии Просвещения, и как средство реализации имперских целей посредством провозглашения политики веротерпимости по отношению к гражданам империи с различной конфессиональной принадлежностью, не всегда приводило к ожидаемым результатам. Так, тот же М. Хусаинов не был простой марионеткой в руках оренбургских губернских властей [80; 100–107]. Напротив, зачастую он сам инициировал выступления местного кочевого населения против местной администрации. Он не поддерживал военные выступления повстанцев Срыма Датова, но своими обращениями к петербургскому кабинету и двору пытался добиться необходимых повстанцам результатов в борьбе против губернских властей. В 1791 г. уфимский и симбирский генерал-губернатор О.А. Игельстром в своем письме к преемнику А.А. Пеутлингу констатировал, что муфтий советовал Срым Датому подать жалобу на «главное пограничное начальство в том, что оно якобы киргизское (*казахское*. — А.Б.) общество довело до крайнего состояния». В случае если местная цензура не пропустит это письмо, муфтий гарантировал, что лично будет «писать к высочайшему Ея И. В-ва двору» [21; 518]. Это было тем более вероятно, что муфтий «вместо депутации» от казахского народа посещал Санкт-Петербург и имел аудиенцию у императрицы, а в 1797 г. был введен в состав Ханского совета, образованного оренбургскими властями для управления казахами Младшего жуза до конфирмации нового хана [81; 14].

Посылаемые в степь казанские муллы становились объектом пристального внимания со стороны среднеазиатских правителей, которые пытались привлечь их к антироссийской деятельности. Так, мулла Абдукарим Орубаев доносил правительству, что Срым Датов пытался привлечь его и Караджигата Ясана к антироссийским выступлениям, ссылаясь на то, что «естыли сего они не сделают, то потеряют свой закон и не могут быть мусульманами, потому что они имеют в получении Хивии и Бухарии письма, которые подтверждают тоже самое» [82; 43]. В Объяснении О.А. Игельстрому, данном Тайному совету, сообщалось, что находившиеся по поручению российских властей при Срым Датове муллы Сеит и Абдул-Фятих искажали правительственные постановления, чем сознательно оказывали негативное влияние на восприятие казахами России, а бежавший из Уральска Хасан мулла «уговорил Сырыма-батыря и Каратау-бея возстать противу России». Несмотря на отдельные антиправительственные проявления, в целом, служители мусульманского культа сохраняли верность российскому правительству, и деятельность многих из них способствовала урегулированию кризисной ситуации конца XVIII в. в Младшем жузе [69; 831, 832, 852–854]. Об этом свидетельствует, например, список награжденных правительством в 1790-х гг., где муллы составляют значительную часть [83; 239, 240]. Глава муфтиата также не был обделен правительственным и монаршим вниманием. В 1798 г. Павел I «пожаловал за усердие» муфтию Мухамметжану Хусаинову соболью шубу [21; 518 (прим. 2)].

Попытка властей образовать сословие мулл из этнических казахов не увенчалась успехом. Причиной этого, несомненно, являются особенности менталитета казахов-кочевников. Вполне отражает образ мышления казахов того времени следующее свидетельство. Отвечая на вопрос муллы, казашка, торговавшая в Хивинском ханстве в 1863 г., высказалась так: «Мы же не можем быть такими ленивыми, как вы, муллы, и целыми днями сидеть на одном месте! Человек должен двигаться» [3; 126]. Аналогичные свидетельства многочисленны.

Казахская аристократия вполне адекватно реагировала на проявления поддержки мусульманству со стороны властей. В то же время для элитарных групп это был именно способ сохранения/расширения властных полномочий. Показателен следующий пример. Желая повысить свой статус в лице правительства и народа, Нуралы в 1784 г. испросил ходатайство на совершение паломничества в Мекку, но после полученного ответа, что «он может быть отпущен, если найдется достойный заместитель», хан отказался от своих первоначальных намерений [66; 113].

На наш взгляд, за исключением ограниченного успеха в Букеевском ханстве, попытки усиления мусульманского влияния казанских татар, а через него, как предполагалось, российского влияния в казахской степи, во всяком случае до 1820-х гг. не имели серьезных успехов. Представляется вполне обоснованным вывод, сделанный в 1822 г. А.И. Левшиным: «Императрица Екатерина II, желая пролить на киргизов (*казахов*. — А.Б.) хотя несколько лучей просвещения, указами 1782, 1784, 1785, 1786 и 1789 гг. повелела строить для них на границе мечети и школы. Учащихся содержать на счет казны, а отцам их оказывать преимущества, давать похвальные листы и проч. Воля ее была исполнена: строения сделаны, но навсегда были пусты и, наконец, развалились» [5; 350 (прим. авт.)]. Известно также, что из всех созданных школ постоянно действовала только школа при Оренбургской мено-

вой мечети, да и та имела в своих стенах зачастую одного-двух учеников [66; 131, 132], хотя на ее содержание ежегодно ассигновалось свыше 2000 руб., религиозные учителя получали по 60 руб., на содержание учеников выделялось 1125 руб. и предполагалось, что их должно обучаться свыше 60 человек [84; 55]. Следующим, более успешным, опытом создания школы с преподаванием, в том числе «магометанского закона», стало создание в 1844 г. школы для 30 казахских учащихся при Оренбургской Пограничной Комиссии [55; 190].

Попытки расширить сферу и компетенцию мусульманства в российской административной и судебной практике наткнулись на серьезное сопротивление со стороны ряда местных органов и структур. Отчетливо этот негатив проявлялся в действиях казачества. Так, серьезное сопротивление строительству мечетей оказывали уральские казаки. Даже Сенат вынужден был констатировать отказы казаков строить мусульманские культовые сооружения, заявлявших, что «строить мечети христианскими руками непристойно» [29; 2; 55; 30]. Причем это дополнялось зачастую негативным отношением к казахам как этнической группе, якобы стоявшей на низкой ступени развития в силу кочевого способа ведения хозяйственной деятельности, отсутствия городской культуры и, в целом, «нецивилизованности». Цивилизаторская лексика правительства на местах зачастую оборачивалась ростом межэтнических противоречий и социальной разобщенности. Последствия этого сказывались на протяжении всего имперского периода. Так, по сообщениям В.В. Верещагина, относящимся к 1869 г., казахи воспринимались казачеством негативно. Известный русский художник приводит типичные для той эпохи слова одной казачки, услышанные им во время поездки в Чугучак. «Да что толку в этих киргизах (*казахах*. — А.Б.), какой это народ... от них только и смотри, как бы худо не было» [85; 4]. Кстати, это же негативное отношение к казахам-кочевникам стало одной из причин распространения в начале XIX в. такого явления, как скупка казахских детей российскими казаками Оренбургского и Уральского войск. Купленных детей обычно обращали в православие, чем и оправдывали завуалированную работоторговлю. Этим же занималось и местное начальство. В донесении, датированном 4 августа 1820 г., директора Троицкой таможни Лузанова министру коммерции графу Н.П. Румянцеву сообщалось, что «многие крепостные начальники [...] не выключая и Троицкаго, имеют у себя в холопстве малолетних киргизских детей, приводя в крещенную веру» [70; 332, 333]. Следует подчеркнуть, что наказать за такие действия было практически невозможно, поскольку эти действия опирались на указ 1763 г., по которому было разрешено наделение землей бывших рабов, «крещенных азиатов», а также на особое разрешение правительства 1808 г., дававшее право на покупку казахских детей, «в виду обнищания Малой орды» [55; 146]. В Сибирском ведомстве такая практика была запрещена после введения в действие Устава 1822 г. о сибирских киргизах.

В начале XIX в. оренбургские власти по-прежнему рассматривали мусульманизацию казахов под контролем российских властей в качестве одного из путей решения вопроса их верноподданства. Так, в период 1805–1814 гг. по инициативе М. Потоцкого, поддержанной оренбургским военным губернатором Г.С. Волконским, было разрешено поселение казахов среди иных российских магометан в пределах Оренбургской губернии. Как следует из переписки П.К. Эссена с К.В. Нессельроде, в 1820-х гг. оренбургская администрация при общении с казахами Младшего жуза продолжала опираться на посредничество мулл. Правда, было констатировано, что муфтий должен через мулл прививать казахам знание русского языка. Для этого было постановлено, «чтобы муфтий ни одного магометанина не облакал в звание муллы, если [тот] не знает [как правильно] говорить, читать и писать по[-]русски» [86; 71, 521]. Также была выражена надежда, что мусульмане будут охвачены системой народного просвещения, в частности, казахи со временем должны были привлечены к обучению в оренбургском Неплюевском училище, губернских гимназиях и уездных училищах [87; 3, 4 об.].

Более того, оренбургские власти надеялись, что с помощью укрепления ислама в казахской степи, превращения Оренбургского муфтиата в региональный религиозный центр Центральной Азии (государства Средней Азии, уйгурские бекства, Афганистан) удастся оказывать влияние на соседние мусульманские страны. Этому же должно было способствовать прохождение маршрута хаджа через территорию Оренбургского губернаторства, поскольку шиитская Персия отказывалась пропускать паломников-суннитов через свои земли, и им требовался другой маршрут, каковым и стал путь через юго-восточные и южные регионы Российской империи [88; 167].

Новый этап административных реформ Российской империи в казахской степи связан с именем известного реформатора М.М. Сперанского, который являлся генерал-губернатором Сибири в период 1819–1822 гг. Исследователями неоднократно подчеркивалось, что предложенный им и утвержденный в 1822 г. I Сибирским комитетом проект Устава о сибирских киргизах содержал статьи, которые

создавали предпосылки христианизации казахов [89; 49–58]. В Устав были внесены параграфы, гарантировавшие защиту властей тем казахам, которые перейдут в православие. Такой подход определялся тем, что информаторы генерал-губернатора убедили его в слабом распространении ислама среди казахов. Несомненно, он был знаком с рукописью 1817 г. И. Шангина, где отмечалось: «Сих диких кочующих Киргиз-Кайсаков — следующих одним природным побуждением; исповедующих закон магометанский без всякого владения догматов онаго — должноствовало говорю я смягчить их нравы и отвратить от одной благодарности к другой» [58; 92 (прим. авт.)].

Вместе с тем нельзя согласиться с мнением, что курс на христианизацию был стратегическим направлением, очерченным и рекомендованным М.М. Сперанским. В данном случае в Кодексе жестко соблюдался принцип добровольности. Более того, именно этот документ четко обозначил признание политики веротерпимости в качестве важнейшего фактора развития взаимоотношений имперской власти с местным населением. Взамен доминировавшего прежде в административной лексике термина «иноверцы», выражавшего неправославное происхождение неславянских народов, было использовано закрепившееся надолго понятие «инородцы», отражавшее, в первую очередь, этническое, а не конфессиональное содержание. Одновременно применение термина «инородцы» позволяло с этого времени принявших православие именовать единоверцами, даже не идентифицируя их с русскими.

Российские власти традиционно проявляли интерес к казахскому обычному праву, пытаясь интегрировать его положения в имперское судопроизводство. В 1824 г. в сибирском ведомстве был создан Омский временный комитет по киргизским законам. На его заседании 8 февраля был констатирован рост влияния шариата на казахский адат. Более того, были приведены примеры поощрения биями агитации перехода православных в мусульманство и введение суровых наказаний за переход из мусульманства в христианство. Приведем лишь две цитаты. «Кто христианина склонит в киргизское (казахское) вероисповедание, тот причитается с правоверными в Царстве небесном», «Ежели кто из роду киргизского примет христианскую веру, то того не только лишают права наследства и собственное его имение[,] оставшееся у киргизов, но ... должен по закону лишиться живота за поругание своего закона» [90; 33]. Такие правовые нормы были неприемлемы для российских властей.

Вместе со свидетельствами об усилении мусульманского влияния в степи, которое уже не рассматривалось в качестве меры развития среди казахов верноподданических чувств, поступали и сообщения прямо противоположного характера. Так, представляется достоверным сообщение казаха Даулыбаева (1830 г.) о том, что казахи племени аргын Среднего жуза сожгли Коран, а муллу-татарина едва не убили [91], а казахи чумекеевского рода Младшего жуза в это же время убили легендарного Сеит-Кула прямо во время совершения им намаза [92; 241]. Как отмечал Е.Б. Бекмаханов, до середины XIX в. среди казахов Среднего и Младшего жузов большей популярностью все еще пользовались отправители политеистических культов — баксы, нежели мусульманские проповедники — муллы [63; 113]. Более того, часть казахской знати выступала с просьбами о сокращении помощи администрации в деле строительства культовых сооружений. Так, в Азиатский департамент МИДа в 1830 г. поступило прошение султана Кокчетавского внешнего округа Аблая Габбасова, в котором предлагалось новых «мечетей и школ не заводить; ахунов и уездных мулл не определять» [93; 20].

В Западно-Сибирском генерал-губернаторстве постепенно утвердилось мнение, что среди казахов целесообразно проводить мероприятия, направленные на христианизацию. Их предложения неоднократно вносились в различные инстанции, в том числе на самом высоком уровне. Например, в сентябре 1830 г. генералом И.А. Вельяминовым был представлен на обсуждение в I Сибирский комитет новый проект Устава о сибирских киргизах. В связи с означенной проблематикой привлекают внимание следующие положения проекта. «Поелику вера киргиз кайсаков (*казахов*. — А.Б.) по сие время в сущности более языческая нежели магометанская, то представляется надежда к обращению многих из них в христианство. Областное начальство может [направить] особенную в степь миссию, с тем, дабы действовала она одними увещаниями и убеждениями без малейшего принуждения». Причем средством к этому, помимо миссионерской деятельности, могло служить развитие системы народного образования и создание сети православных и светских школ [93; 54].

Осложнение отношений со среднеазиатскими государствами в 1820–1840-х гг., во многом вызванные противоречиями России и Великобритании в Центральной Азии, казалось бы, должны были усилить внимание властей к возможному объединению антироссийских выступлений Коканда, Хивы и казахов. Тем более, что попытки инспирировать рост антироссийских выступлений со стороны кокандских и хивинских правителей предпринимались. Так, во время выступлений Саржана Касымова

против России, он поступил на службу к ташкентскому кушбеги, получив от последнего материальную и вооруженную помощь. В свою очередь через султанов Касымовых кокандские власти организовали среди казахов Среднего и частично Младшего жузов антироссийскую пропаганду [94; 44–46]. Основой антироссийской пропаганды стали призывы к борьбе с неверными. Так, в одном из воззваний бек обращался к казахам с призывом: «Вы предались кафирам — русским. Переходите на нашу сторону, ... если Бог поможет, мы освободим Вас от русского царя». Одновременно кушбеги Лашкар вел переговоры с западно-сибирским генерал-губернатором. В дипломатической переписке в вопросе о казахах апеллировалось к их принадлежности к мусульманской политической культуре. Правда, тон и акценты были несколько иными. Так, в письме, дошедшем до П.Д. Горчакова в июне 1834 г., ташкентским правителем ставился вопрос о том, что Россия — как великая держава — могла бы уступить подданство и сбор налогов с казахов Коканду, тем более что последнему, якобы, «пользоваться от мусульман зякетом предоставлено Богом и пророком» [95; 16, 132]. Однако даже в такой сложной внешнеполитической обстановке сибирские власти не считали целесообразными уделять особое внимание мусульманскому вопросу в отношении казахов, полагая, что призывы к образованию антироссийского союза на основе мусульманской коалиции не представляют реальной угрозы именно в силу слабой исламизации казахов.

Вклад в формирование образа казахов с неопределенным вероисповеданием внес один из известнейших казахов, первый казах, член ИРГО, Чингизид, внук хана и сын старшего султана — Ч.Ч. Валиханов. Многократно цитировались его слова о том, что казахи — скорее, язычники, нежели мусульмане, и поэтому существует возможность их постепенной христианизации [96]. Несомненно, это мнение оказало влияние на позицию западно-сибирского генерал-губернатора Г.Х. (И). Гасфорга, адъютантом которого некоторое время был Ч.Ч. Валиханов. Основываясь на донесениях своих подчиненных, в том числе иных казахских султанов, а также на опыте личного общения с шаруа, генерал-губернатор оценивал степень мусульманизации казахского населения как чрезвычайно низкую. Это позволяло, с его точки зрения, со временем обратить их в христианство. В качестве переходного этапа к этому проектировалось привитие некой эклектической религиозной системы, которая включила бы в себя элементы иудаизма, христианства, ислама и традиционных казахских культов. Попытка религиозной реформы не нашла поддержки в Санкт-Петербурге. Император Николай I отверг эту идею, заявив, что «религии не сочиняются, как статьи свода законов» [8; 70].

Генерал-губернатор Западной Сибири О.А. Дюгамель констатировал некоторое усиление и влияние ислама на казахов его ведомства, полагая, что это в значительной степени это явилось следствием имперской политики, в том числе таких ее элементов, как веротерпимость, строительство мусульманских учреждений за казенный счет, использование служителей культа в административной практике. Такие действия он считал глубоко ошибочными и вредными единству государства. О.А. Дюгамель предлагал противопоставить росту исламизма среди казахов их приверженность традиционным доисламским верованиям, а в перспективе и их привлечение в лоно христианского православия [45; 139].

В период конфронтации отношений с Хивой оренбургский военный губернатор В.А. Перовский запретил направлять в казахскую степь башкирских мулл, являвшихся, по его мнению, тайными сторонниками среднеазиатских правителей. После предложения в 1860 г. оренбургского и самарского генерал-губернатора А.А. Катенина отменить этот запрет областное Правление сообщило, что в таком случае «оно не может ручаться за спокойствие оной *(казахской степи)*. — А.Б.), особенно в настоящее голодное время и когда там есть и другие поводы к неудовольствиям против Правительства» [97; 4]. В то же время в оренбургском ведомстве серьезных попыток христианизации казахов до конца 1850-х гг. не предпринималось. Во многом это отражало качественные различия в подходах к организации системы управления казахами Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств, унификация которых произошла только с принятием в 1868 г. Временного положения об управлении степными областями [98; гл. II]. Причем этот законодательный свод серьезно урезал права представителей мусульманской организации по сравнению с теми, что были прежде в Оренбургском ведомстве.

Позиция местных властей по вопросу об отношении к распространению мусульманства среди казахов Младшего жуза постепенно менялась. При подготовке реформы родового управления казахами представители оренбургской администрации направили специальную «Записку об организации управления киргизами Западной части Орды». Основной идеей в организации управления родом и отделением в ней признавался принцип назначения на должность. Отмечавшийся рост исламского

влияния рассматривался в документе уже как подозрительное явление. Помимо прочего, в Записке были затронуты и вопросы судопроизводства. По этому поводу, в частности, имелось следующее свидетельство: «На киргиза (*казаха*. — А.Б.), попавшего русскому суду, киргизы смотрят как на жертву русских. Обмануть следователя и вообще русского для пользы своего единоверца считается поступком, который совершенно оправдывается совестью и религиею» [99; 12]. По свидетельству В.К. фон Герна, такое убеждение было внушено казахам именно татарскими муллами [26; 10]. Сибирские же власти изначально приписывали это явление мусульманской доктрине, которую казахи использовали в качестве оправдания многочисленных фактов извлечения личной выгоды [5; 362].

Как отмечалось выше, долгое время среди представителей оренбургской губернской администрации доминировало мнение о необходимости использования ислама в качестве инструмента имперской политики. Однако с середины XIX в. стали появляться скептические нотки и даже стремление ограничить влияние мусульманских проповедников на казахов. В 1848 г. правительством был запрещен въезд в страну всем духовным мусульманским лицам, принявшим сан за пределами Российской империи, одновременно было введено ограничение на транзит среднеазиатских паломников через российскую территорию [100; 110, 111]. И популярность антимусульманской идеологии с течением времени крепла в административных кругах, как в центре, так и на местах. Спустя всего десятилетие в отношении оренбургского и самарского генерал-губернатора А.А. Катенина на имя министра внутренних дел С.С. Ланского от 28 октября 1859 г. уже выражалась уверенность, что открытие под патронажем правительства Российской империи светских школ в казахской степи будет одним из наиболее действенных инструментов противодействия вредного имперским властям росту мусульманского влияния [101; 340–342].

Одним из факторов, повлиявших на изменение позиции правительства на мусульманский вопрос, несомненно, стала Крымская война. Она к тому же в значительной степени ускорила процесс продвижения Российской империи в юго-восточном направлении. С присоединением Туркестанского края к Российской империи и обострившимися британо-российскими противоречиями исламский фактор стал вновь играть серьезную роль во внешнеполитических доктринах генералитета Российской империи. Это, в свою очередь, вызвало появление ряда геополитических концепций, в которых исламское окружение представлялось в качестве угрозы безопасности империи. Такие идеи нашли отражение, например, в творчестве М.И. Венюкова, который отмечал, что мусульманский фанатизм «всегда будет враждебно относиться к европейской цивилизации, которой представителями в Средней Азии являемся мы» [цит. по: 102; 76]. Чуть позже Н.Н. Балкашин подчеркнул, что, несмотря на мирные взаимоотношения с казахами, даже они представляют чуждое Российской империи мусульманство. И если татарские муллы среди казахов заняты лишь отправлением религиозных ритуалов, то среднеазиатские ишаны призывали, по его сведениям, обманывать и уничтожать неверных, то есть русских [103; 33].

В пореформенное время власти Астраханской и Оренбургской губерний пришли к убеждению, что политика насаждения ислама посредством направления в степь мулл из этнических татар может спровоцировать рост мусульманского фанатизма среди казахов. Более того, предлагалось предпринять меры к ограничению контактов казанских мулл и казахов Младшего жуза. В «Отчете Департамента Полиции Исполнительной по части управления киргизами (*казахами*. — А.Б.) Оренбургского края за 1862 г.» признавалось целесообразным, чтобы муллы «были при том не из татар, коим жителство в [Внутренней] Орде воспрещено, а из природных киргиз (*казахов*. — А.Б.)... в настоящее время считается в Орде 92 муллы». Как особое достижение властей в том же Отчете отмечалось, что «в 1861 г. приняли христианство 8 киргизов (*казахов*. — А.Б.) и 2 киргизки» [104; 42, 43].

В середине 1860-х гг. оренбургским генерал-губернатором Н.А. Крыжановским был разработан проект по изменению структуры Оренбургского магометанского духовного собрания. Для контроля за делопроизводством предлагалось включение в состав Оренбургского магометанского духовного собрания чиновника губернской администрации, введение экзамена на знание русского языка для мулл и общее сокращение количества мечетей и духовных лиц. В этот же период муфтий С.Г. Тевкелев вошел с противоположным предложением о расширении количества духовных лиц, упрощении процедуры получения разрешений на строительство мечетей и открытии при них медресе. Как ни удивительно, но положения обоих проектов были частично учтены в Уставе духовных дел, принятом в 1896 г. [77; 30, 31], [105; 148–151].

Чаще все же правительство в этот период поддерживало антимусульманские настроения местных администраций. Помимо того, что высшее мусульманское руководство империи было подкон-

трольно правительству, и выборы муфтия и его помощников — кадиев — проходили под надзором генерал-губернатора, а их результаты им же утверждались, во второй половине XIX в. компетенция административных органов была расширена: низовая организация религиозных мусульманских общин также оказалась под их контролем. С 1869 г. все муллы стали утверждаться гражданским начальством, а право инвеституры было изъято из компетенции муфтия [106; 224]. Временное положение 1868 г. изымало из компетенции мулл семейно-брачные отношения. Строительство мечетей и ряд клерикальных вопросов были поставлены под жесткий контроль местной администрации.

Правительство контролировало совершение хаджа в священные города мусульман Мекку и Медину. В конце XIX в. городским муллам Степного генерал-губернаторства было запрещено посещать аулы, а также среднеазиатские центры исламского образования — Туркестан и Бухару, хотя в то время эти города уже вошли в состав Российской империи. Особым постановлением муллам было запрещено совершать хадж в Мекку [53]. При этом приветствовалась поддержка антитурецких действий со стороны мусульманских организаций. В частности, в 1878 г. ахун Оренбургской Соборной караван-сарайной мечети Даутов был включен в состав комитета для сбора денежных средств на восстановление российского Черноморского флота, затопленного в годы Крымской войны [66; 269].

Причиной того, что влияние казанских мулл было признано нежелательным, служило, во многом, сосредоточение в их руках торгово-ростовщических функций в степных районах. Еще в 1839 г. бий Среднего жуза Кулубек Ескенин доносил, что татарские муллы с разрешения российских властей активно занимаются посреднической торговлей между русскими и казахами и известны в степи «ловкостью и хитростью» [107; 133 об.]. Казахские пословицы и поговорки второй половины XIX в. в ироничной форме показывали меркантилизм татарских мулл. Приведем лишь ряд пословиц: «Муллу глух к слову «дай», он слышит только «возьми», «Перекупщика встретишь на базаре, муллу — на похоронах», «Чего Аллах не дал, того и мулла не даст» и др. [108; 36]. Известным в степи стало изречение батыра тобыктинского рода Контая, который долго болел: «Бессовестно, каждый раз выздоравливая, обманывать надежды ходж и мулл, нужно умереть» [109; 10]. В одном из источников конца XIX в. дается следующая характеристика: «Плутоватые торгаши-татары... промышлявшие за казахский счет и фанатизировавшие степняков татарские муллы» [26; 10].

Следует отметить, что ограничительные мероприятия в отношении развития мусульманского образования и совершения хаджа проводились российскими властями избирательно. Власти пытались поддержать нарождавшихся капиталистов из среды казахов, казачества, русского купечества и крестьян-переселенцев. Дабы поднять статус ряда казахов, российские власти разрешали, а иногда субсидировали совершение паломничества казахами, состоявшими на административной службе и доказавшими свое верноподданничество, как в среднеазиатские святыни, так и в Мекку. Первым казахом, который совершил хадж (причем при поддержке властей), был Кунанбай Ускембаев, отец поэта-просветителя Абая Кунанбаева. Кунанбай долгое время возглавлял Каркаралинский окружной приказ, дослужившись до чина полковника и дворянства. Известно, что совершивший хадж по возвращении становился почитаемым почти как святой, привезенные горсти «святой земли» были лучшим подарком, взамен которого можно было, согласно казахскому варианту обычая гостеприимства, просить любую понравившуюся ценную вещь. Известно также, что, взяв под свой контроль паломничество посредством выдачи лицензий на хадж, российские власти не устанавливали ограничительных квот. В результате с каждым годом среди казахов происходил рост числа хаджей, как стали именовать лиц, совершивших паломничество в Мекку. Только в 1910 г. администрацией Степного генерал-губернаторства казахам было выдано свыше 500 означенных лицензий [79; 77].

Таким образом, в течение 60-х гг. XIX в. позиция правительства и администраций Западно-Сибирского и Оренбургского генерал-губернаторств по так называемому мусульманскому вопросу среди казахов консолидировалась. При сохранении формального принципа невмешательства в вопрос выбора веры и соблюдения принципа веротерпимости фактически произошло изменение их наполнения. Укрепление мусульманских устоев среди кочевых и переходивших к оседлости казахов было признано нежелательным, признавался важным их возможный переход в православие, правда, без силового вмешательства военных и гражданских властей. Более того, правительство в этот период берет под свою опеку так называемые антимусульманские миссии, организованные Русской Православной церковью.

Первая такая миссия была образована в тот же год, что Степное генерал-губернаторство. Вот как описывается это событие священником-миссионером Е. Елисеевым: «В 1881 году, когда еще магометанство, как черная туча, сплошь покрывало киргизскую (*казахскую*. — А.Б.) степь, а выходцы из

Казани — татары, бухарские сарты, персияне и арабы, как хищные коршуны, терзали степных киргиз и злоупотребляли их религиозным чувством, на далекой окраине русского государства, в соседней с Китаем Семипалатинской области, указом Святейшего Синода, была открыта противомусульманская Киргизская духовная миссия» [110; 3], базировавшаяся сначала в городах Усть-Каменогорске, затем в Семипалатинске, а позже в сельских поселениях — Буконском и Преображенском. Следует заметить, что далеко не все миссионеры и православные служители были столь негативно настроены по отношению к мусульманству, и все же, в целом, РПЦ была нацелена на расширение своего влияния среди казахов и среднеазиатского населения.

Серьезных успехов по привлечению казахов в лоно православия первой миссии достичь не удалось. Как отмечал еще один священник-миссионер — Ф. Синьковский, в 1882 г. удалось крестить лишь одного казаха, в следующем году — двух. Одной из главных причин неудач он считал слабое владение казахами русским языком [111; 20], который преимущественно использовался миссионерами.

В начале XX в. противомусульманская миссия начала деятельность в Туркестане, однако и здесь она не достигла существенных успехов в вопросе христианизации [100; 112, 113].

В то же время, на наш взгляд, нельзя преувеличивать значение «мусульманского» вопроса. Власти рассматривали его зачастую в качестве сопутствующего фактора по другим вопросам и при ситуации, когда нейтральное или даже покровительственное отношение к исламу было выгодно, использовали этот прием. Например, вступивший в должность туркестанского генерал-губернатора фон Кауфман в отношении исламского вопроса принял так называемую «политику игнорирования», то есть невмешательства во внутренние дела мусульманского духовенства, хотя и провозгласил полный отказ властей от финансирования исламских учебных заведений [112; 62]. Еще более показательным, что при решении вопроса об унификации системы управления казахами ее противники в правительстве не выдвигали в качестве аргумента исламский фактор, в то же время проблема национальной консолидации воспринималась многими в качестве одной из серьезнейших угроз. Так, министр внутренних дел писал, что казахский народ «в создании своего единства был бы весьма небезопасен России» [цит. по: 113; 78].

На наш взгляд, проблема мусульманизации казахов, обсуждавшаяся спорадически, в тот период не являлась для российской администрации приоритетной. Гораздо более значимым считалось решение вопросов колонизации степных просторов, постепенного перевода кочевников на оседлость, развития промышленности, строительства железных дорог, пароходств и расширения городской инфраструктуры. В этом плане культуртрегерство было одним из основных рычагов трансформации традиционных устоев. Развитие бытовых контактов местного населения и переселенцев из центральных губерний Российской империи считалось важнейшим фактором, который должен был обеспечить устойчивость имперской системы и стабильность социальных отношений в регионе. Отдельные попытки представителей администрации ограничить это взаимодействие жестко пресекались правительством. Так, предложение военного губернатора Уральской области генерал-лейтенанта Максимова обустроить переселенцев и местное оседлое и полуоседлое казахское население в различных уездах Уральской области «во избежание антагонизма, обусловливаемого религиозной, бытовой и племенной (этнической). — А.Б.) разницей туземцев и пришлого русского элемента» было признано Комитетом Сибирской железной дороги не просто ошибочным, а вредным [114; 24].

В то же время постепенно не только в среде чиновничества, но и среди представителей научных кругов мнение о слабом развитии мусульманства у казахов сменилось господствующим убеждением в необходимости принятия некоторых ограничительных мер к распространению среди них суннитских доктрин, в том числе радикального толка. Известный востоковед В.В. Радлов одним из первых в науке сформулировал идею, что у казахов существует, пусть и адаптированная к условиям номадизма, но весьма устойчивая приверженность мусульманскому культу. Это, с одной стороны, обеспечивало им доминирование среди прочих тюрков-кочевников, с другой, создавало почву развития фундаментализма. Он же отмечал, что мнение о поверхностном проникновении ислама в сознание и идеологию казахов-кочевников — лишь удобный имперский миф. На самом деле, это «ложное представление будто бы киргизы (*казахи*. — А.Б.) лишь в последнее время полностью обратились в ислам и, более того, еще и по сей день остаются чуть ли не язычниками. Киргизы уже несколько веков как окончательно приняли ислам и могут с полным правом считаться правоверными, можно даже сказать, фанатичными мусульманами, хотя, разумеется, киргизское мусульманство приобрело своеобразную окраску, обусловленную особым образом жизни этих степных кочевников» [115; 302].

Более того, среди ученых состоялась заочная дискуссия о вероятности усиления влияния радикальных течений ислама среди казахов. Большая часть исследователей не согласилась с мнением В.В. Радлова. Параллельно обсуждались вопросы роста межнациональных противоречий на российском Востоке и активизации антиказахских настроений в среде русской интеллигенции [116–119].

В общих чертах ответ противников концепции В.В. Радлова во время подготовки очередной формы управления Степным краем и обсуждения поступившего предложения усилить борьбу с мусульманским фанатизмом среди казахов был выражен русским исследователем Центральной Азии А. Бенкевичем. Он, в частности, заметил, что «по вероисповеданию киргиз (*казах*. — А.Б.) магометанин, но магометанин относительно недавний, к фанатизму по своей холодной и уравновешенной натуре далеко не склонный. Приверженность их к магометанству выражается преимущественно чисто внешними обрядами и обычаями, так что обвинять их в фанатизме или религиозном изуверстве значит допустить грубую ошибку, делаемую[,] однако, очень многими априори; если возможен фанатизм, то где-нибудь на юге, где природа и фанатики сарты влияют на ум и фантазию» [120; 58 об.—59].

С течением времени происходили изменения в социальной структуре казахского общества. Важнейшим фактором, оказавшим воздействие на этот процесс, несомненно, стало вхождение в состав России и постепенная интеграция ряда традиционных институтов в имперские структуры. Ряд институтов при этом при этом приобретал привилегированный статус, а ряд постепенно терял свою элитарность. Например, происходило падение авторитета отправителей культа, таких как казии и кожа. Причиной падения авторитета рода кожа стала их внутренняя замкнутость, не позволявшая им включиться в политическую пропаганду. Остальные казахи, в том числе и султанское сословие, стали видеть в этом стремление сохранить свое генеалогическое превосходство. У казахов в то время даже бытовала пословица: «...Перед горящимся — гордись, (потому что) это не сын пророка» [26; 35].

Несмотря на поддержку властей и признание правительством со второй половины 1860-х гг. за туземным мусульманским судом правового статуса суда первой инстанции, авторитет казиев также понизился. Как отмечали в начале XX в. российские власти, одними из важнейших причин этого стали процветавшее взяточничество и низкий образовательный уровень судей, большинство из которых не имели не только специального образования, «но и простой грамотности» [121; 60]. Несмотря на это, Министерство юстиции констатировало, что «суды казиев и особенно суды биев будут существовать весьма продолжительное время». Подчеркивалось, что одной из основных причин сохранения традиционного судопроизводства является возможная негативная реакция местного населения на соперничество Российской и Британской империй в Средней Азии [65; 147 об.—148].

Как неоднократно отмечалось исследователями, в начале XX в. в общественных кругах России резко возрос интерес к проблеме «Россия и Восток». В первую очередь это было обусловлено внешнеполитическими факторами, такими как русско-японская война и позорное поражение в ней Российской империи [122; 317]. Современники отмечали, что рядом представителей местного населения Средней Азии и Казахстана «победа Японии считалась реваншем Азии, покоренной белыми» [123; 83]. Другим фактором стала позиция Российской империи по вопросу об отношении к мусульманским народам Китая [124]. К внутренним причинам повышения интереса к вышеозначенной проблеме можно отнести развитие внутриимперских колонизационных процессов и рост национального самосознания, как у русских, так и у представителей азиатских этносов, а также включение инородческих фракций в работу созданного в годы первой русской революции парламента и создание национальных партий и фракций в общероссийских партиях. В эти процессы оказались вовлеченными и казахи.

В рамках предложенной Н.И. Ильминским русификаторской политики с перспективой дальнейшего привития православия российские власти под руководством И. Алтынсарина создали в Уральской и Тургайской областях сеть светских казахских школ, в которых в качестве компромисса с мусульманскими клерикальными кругами ограниченно преподавались основы мусульманской веры [125; 174]. Сам Н.И. Ильминский по поводу перевода на кириллицу алфавита нерусских народов писал: «Русский алфавит представляется, с одной стороны, хорошим средством к усвоению инородцами русского языка и русского образования, а где-то и к объединению инородцев с русским народом, а с другой стороны, он дал бы русской администрации края возможность охранить кочевое население от татарского или вообще мусульманского влияния» [цит. по: 126; 92]. Появившиеся аульские школы получили поддержку генерал-губернатора Я.Ф. Барабаша. При его непосредственном участии появились первые библиотеки в Иргизе, Актюбинске, Кустанае и были учреждены общества попечения о народном образовании в Актюбинском и Кустанайском уездах [66; 298–299]. Однако число аульских

школ даже вкупе с другими образовательными учреждениями не удовлетворяло возросший спрос на грамотность. Во многом в результате этого в аулах стали появляться нелегальные муллы, а в городах усилился рост мусульманских учебных заведений — мектебов и медресе. О темпах их роста можно судить по данным Н. Сабитова [127; 16], для удобства сведенным в табличную форму (*пересчет наш.* — А.Б.) (см. табл.).

Т а б л и ц а

Темпы роста количества мусульманских учебных заведений

Область	Период (гг.)	Рост мусульманских учебных заведений	Абсолютный прирост количества учащихся	Относительный среднегодовой прирост числа учащихся, %
Семиреченская	1891–1897	С 64 до 88	С 1251 до 12835	171
Сыр-Дарьинская	1892–1895	С 1522 до 2446	до 28898	
Тургайская	1894–1911	С 59 до 103	С 457 до 1400	18
Акмолинская	1896–1907	С 13 до 15	С 547 до 970	16

Особую тревогу у правительства вызывала активность джадидов. В конце XIX в. введение новометодных школ в Семиреченской области было существенно ограничено, а в Семипалатинской области вообще запрещено [128; 115].

На распространение информации об исламе оказали влияние возросшие грамотность и доступность источников получения информации. Рост книгоиздательской деятельности в России коснулся и религиозной, в том числе мусульманской, литературы, которая стала более доступной для потенциальных читателей. Так, за полувековой период с середины XIX до начала XX в. издание Корана удвоилось, превысив рубеж 60000 экземпляров. Казахами было издано два варианта толкования священной книги мусульман для детей в редакциях поэта Шакарима и автора первого казахского кириллического словаря, члена-корреспондента ИРГО, И. Алтынсарина. Эти издания стали учебными пособиями для преподавания в школе [79; 82]. Все это, а также включение в состав Российской империи мусульманизированной Средней Азии, привело к усилению мусульманского влияния в казахской степи в период последней трети XIX – начала XX в., особенно в южных и юго-восточных районах, где, помимо прочего, усилилось влияние политического ислама. Это выражалось и в росте числа казахов-паломников (см. выше), а также в возрастании численности мечетей и мулл. По данным Н.Н. Балкашина, в конце 1880-х гг. в степных областях было уже 300 выборных мулл, а «много ли странствующих ишанов и татарских мулл в киргизском кочевьи, — никому неизвестно» [103; 33].

Казахская интеллигенция была в авангарде политической борьбы российских мусульман. В условиях поиска национальной идеологии одна часть казахских политических деятелей стала делать ставку на ислам с опорой на идею панисламизма (организации Шура Исламия, на первом этапе Уш жуз и др.), другая (Алаш, Уш жуз) — на развитие светской государственности на основе самоопределения или федерализма.

Катализатором политической борьбы послужил, в первую очередь, вопрос о земельной собственности и законности изъятий земель в Переселенческий фонд. Причем в среде переселенцев весьма популярной стала формула, согласно которой оседающие казахи — это те же русские крестьяне, только мусульманского вероисповедания, поэтому на них должны распространяться крестьянские нормы наделов [129; 361]. Под переселенческие участки было отмежевано свыше 40 млн дес. земли. При этом бывали случаи запрещенного инструкциями сноса стационарных построек казахов. Эти явления были известны властям, о чем свидетельствует обсуждение этих вопросов в высших органах государственной власти. Так, при обсуждении сметы Переселенческого управления в Государственной думе представитель партии кадетов Н.В. Волков отмечал, что «постройки или зимовки сносятся даже десятками и сотнями. Бывали случаи, что сносились при этом их молитвенные дома — мечети» [130; 368]. Такие факты вызывали не только недовольство, но и сопротивление со стороны коренного населения, которое власти зачастую истолковывали в качестве проявления мусульманского фанатизма и угрозы целостности Российской империи [131; 124–144].

Вопрос об угрозе стабильности в окраинных губерниях со стороны ислама актуализировался в период и по окончании андижанского восстания 1898 г., протекавшего под лозунгами джихада. На рубеже XIX и XX вв. Военное министерство инициировало серьезное обсуждение возникшей угрозы,

в результате чего для Туркестана были подготовленные «Временные правила об управлении духовными делами мусульман», в основе которых лежали тезисы Специального доклада генерал-губернатора С.М. Духовского. Проект предусматривал активизацию на государственном уровне антимусульманской деятельности, причем не только в Туркестанском крае, но в других провинциях Российской империи, населенных мусульманами. Против этого проекта категорически выступил С.Ю. Витте, отмечавший вероятные негативные последствия политики нетерпимости в вопросах религии, как для внутренней, так и для внешней политики Российской империи [132; 198–209].

П.А. Столыпин, осознавая угрозы со стороны политического ислама, стремился интегрировать представителей мусульманства в имперские структуры. Более того, он инициировал создание в Российской империи должности руководителя хаджа, исполнять которую было доверено ташкентцу Саид-Гани Саидазимбаеву [133; 175–181; 134; 1–23].

В качестве одного из основных средств борьбы с мусульманской агитацией было избрано закрытие СМИ, пишущих на мусульманскую тематику. Причем дело доходило до того, что закрывали разделы русских газет. Пресса, религиозные организации и отдельные общественные деятели были поставлены под гласный и негласный надзор губернской гражданской администрации, полиции и жандармерии [129; 461, 491].

По сведениям полиции, контролировавшей процессы политической борьбы в Степном и Туркестанском генерал-губернаторствах, среди тюркского населения Центральной Азии достаточно широкое распространение получили идеи панисламизма. Это течение не было однородным по своему социальному составу и политическим убеждениям. В отчете о настроениях коренного населения отмечалось, что «панисламисты распадаются на две фракции, часто враждующие между собой; одна из них, более многочисленная и состоящая из лиц влиятельных, занимающих в обществе более или менее видное положение (учителя, муллы, адвокаты, купцы), по своим политическим воззрениям мало отличается от конституционно-демократической партии; другие же фракции, крайне малочисленные (младотатары) и состоящие главным образом из молодежи (конторщики, приказчики и частью учителя), придерживаются программы социалистов-революционеров» [135; 79].

Местные власти неоднократно выходили с предложением о закрытии «Мусульманских хроник» [129; 461] и других изданий, но правительство обычно ограничивалось тайным надзором за авторами [136]. Так, даже за лояльным правительству поэтом-акыном, бием и волостным управителем Абаем негласный надзор и следствие осуществлялись в течение десяти лет [137, 138].

В вопросе классификации общественно-политических течений в Степном крае и Туркестане начала XX в. представитель полицейского управления, как нам представляется, несколько ошибался. Более правильной выглядит оценка, данная А. Букейхановым, разделявшим национально-общественно-политическое движение на два крыла: пантюркитско-панисламистское и западническое. Представители второго направления долгое время примыкали или даже являлись членами всероссийских либеральных партий [139]. Особой популярностью пользовалась партия кадетов, в составе которой функционировала мусульманская фракция, а с 1906 г. в ней фактически существовала и «киргизская» (казахская) фракция.

Причиной поддержки программы кадетской партии, несомненно, являлось программное положение конституционных демократов о необходимости введения федеративного устройства в империи и предоставлении казахам национально-государственной автономии [140; 61–64].

В 1916 г. Степной и Туркестанский края были охвачены восстаниями автохтонного населения. Российские власти боялись, что это движение может получить поддержку и даже быть организовано Османской империей. Причем зачастую такая позиция администрации и правительства основывалась не на подтвержденных фактах, а на домыслах. Так, на заседании 13 декабря 1916 г. А.Ф. Керенский подверг резкой критике представителя МВД в Думе, который «имел смелость рассказывать о том, что, по слухам, во главе киргизских (*казахских*. — А.Б.) войск стоял турецкий генерал» [141; 119]. Если турецкое влияние преувеличивалось, то влияние исламской идеологии на ход восстания 1916 г. несомненно. Среди казахских повстанцев Эрексаиской и Аельдинской волостей Акмолинской области даже был создан Ханский совет, состоявший из четырех казиев [142; 71].

Важную роль в политической деятельности начала XX в. имели и чисто вероисповедальные вопросы. Они неоднократно обсуждались в различных изданиях, на заседаниях политических организаций и партий, на митингах и в Государственной думе. В целом, было сохранено право невмешательства государства в вопрос религиозного самоопределения населения, форм проведения обрядовых

процедур и т.п. Вместе с тем были введены дополнительные ограничения на переход из православия в иные конфессии [143; 486-489].

Привлечение мусульман к отбыванию воинской повинности и участие их в составе российских соединений в военных действиях и тыловых работах в период первой мировой войны включили в повестку дня вопрос о нивелировании правового положения не только граждан мусульман и православных, но и конфессий – христианства и ислама. Это стало одним из требований «мусульманской фракции» в Государственной Думе, поддержавшей, кстати, вступление Российской империи в мировую войну. Естественно, что либералы и партии левого толка вынуждены были считаться с этими требованиями, и в их программах также появились пункты о свободе совести.

Заключение

К политическому решению вопроса о равноправном статусе ислама и мусульманских общин приступили после свержения самодержавия. Временное правительство привлекло к нему представителей мусульманства. Так, Комиссар Временного правительства с правами товарища (заместителя) МВД С.А. Котляревский в официальном письме господину Мусе Эфенди Бигееву пригласил его к участию в «Совещании для обсуждения общих вероисповедальных вопросов». На этом Совещании обсуждался «Законопроект о вероисповедальных переходах». В текст законопроекта было включено следующее положение: «Каждому гражданину Российского Государства обеспечивается свобода совести». Согласно заключению МВД, «отпадение от церквей, исповеданий и вероучений, а также присоединение к другой вере не подлежит преследованию и не должно влечь за собою каких-либо невыгодных в отношении личных или гражданских прав последствий...». Родителям планировалось сохранить права в выборе веры их детей: «Определение вероисповедания малолетних, не достигших четырнадцати лет, предоставляется тем лицам, на попечении которых они находятся» [144; 1–3 об.].

В июле 1917 г. Общее Собрание трех Всероссийских Мусульманских съездов приняло решение о провозглашении культурной автономии мусульман России. В ноябре 1917–январе 1918 гг. Миллят-Меджлиси принял проект конституционного закона, предусматривавший правовое превращение всех тюрок-мусульман, включая казахов, в единую нацию, имеющую равные с другими этническими группами России права. При этом исламу предавался бы статус государственной религии [145; 1–1 об., 3, 5].

Законодательно вопрос о предоставлении равноправного положения конфессиям был окончательно решен Советской властью, один из первых Декретов которой провозгласил свободу совести и отделение церкви от государства и системы народного образования, эти же положения были закреплены первой Конституцией РСФСР [146; 5–58].

Таким образом, отношение российского государства к исламу среди своих подданных можно разделить на два периода. В основе их выделения лежит критерий общего правового статуса религии в государстве. Внутренняя классификация первого периода учитывает отношение правительства и губернских властей Российской империи к мусульманскому вопросу среди казахов. В итоге, на наш взгляд, схематично его можно разделить на ряд условных этапов, которые синхронизируются и коррелируются с этапами российской административной политики в казахской степи и этапами российской колонизации Степного и Туркестанского края.

1 период. До 1917 г. В рамках существовавших государственно-правовых норм религия не была отделена от государства. Государственной религией в Российской империи являлось православное христианство. Православие было доминировавшей в правовом отношении конфессией, которой государство постоянно оказывало поддержку, более того, само православие было огосударствлено. Отношение государства к иным культурам и их отправлению различными региональными и этническими группами не было столь однозначным и унифицированным. В рамках вопроса отношения России к суннитскому исламу казахов и вариантов противостояния/сотрудничества вычленяются следующие этапы.

1 этап. 1730–1770-е гг. Происходило накопление первоначальных знаний о казахах как этнической, конфессиональной и социально-правовой группе. В рамках общеимперского, в целом, негативного, отношения администрации к исламу, по аналогии с мероприятиями у башкир и татар, предпринимались отдельные попытки проведения ограничительных мероприятий по отношению к распространению ислама среди казахов. В пограничье резко сокращалось число мечетей, строительство новых было жестко регламентировано властями. Вместе с тем на местном уровне мусульманизация казахов через татар для достижения верноподданничества и расширения торговли зачастую поощрялась.

Правительственный курс по отношению к исламу именно у казахов в это время еще не сформировался.

2 этап. 1780–1820-е гг. Этап поощрения распространения ислама среди казахов, когда мусульманские общины приобрели в Российской империи привилегированный по сравнению с другими нехристианскими культурами статус покровительственного религиозного меньшинства [77; 21]. В эти годы создавались специальные мусульманские организации во главе с муфтиатом. В рамках реализации декларированного в екатерининскую эпоху принципа веротерпимости предпринимались попытки поставить под контроль государства с перспективой дальнейшего огосударствления суннитский ислам. В отношении казахов проводились мероприятия, которые должны были способствовать распространению и укреплению позиций ислама. В казахской степи за казенный счет строились мечети, обучались муллы и ахуны, утверждение в звании которых проходило с одобрения губернской администрации. Муфтий, кадии и ахуны получали жалование из казны, а в их обязанность входили вопросы урегулирования отношений местных жителей и властей с казахами и привлечение неверноподанных мусульман* под протекторат Российской империи. Особое значение придавалось вопросу предотвращения создания антироссийской панисламистской конфедерации под эгидой Османской Порты. В эти годы происходила частичная инкорпорация традиционной казахской знати в имперские институциональные структуры. Главным источником распространения (как считалось) «пророссийского» ислама рассматривались татарские муллы. На них же возлагались функции посредников в русско-казахской торговле и, особенно, в развитии торговли Российской империи со странами Центральной Азии и частично с Китаем.

3 этап. 1820–1860-е гг. Правительство занимало в эти годы позицию относительного невмешательства в вопросы внутреннего управления «окраинных» губерний. В результате по целому ряду проблем по отношению к казахам проводилась неунифицированная политика [147; 24–26]. Вероисповедальные вопросы относились к их числу. В Оренбургском ведомстве по-прежнему продолжали оказывать поддержку мусульманизации казахов через татарских мулл. В Западно-Сибирском ведомстве казанским муллам перестали предоставлять особые привилегии, напротив, власти в законодательном порядке пытались отвлечь казахов от ислама с перспективой их позднейшей христианизации. В то же время предложенный омскими властями проект создания новой религии, которая служила бы переходным этапом для отвлечения казахов от ислама и дальнейшего их привлечения к православию, был признан правительством нецелесообразным.

4 этап. 1860-е гг.–конец XIX в. В результате административных реформ произошла унификация права и административной практики по отношению к казахам. При формальном сохранении приверженности принципам политики веротерпимости были активизированы усилия властей по предотвращению возможного роста сепаратизма со стороны казахов на этнической и конфессиональной почве. Декларация борьбы с этими явлениями и проведение комплекса превентивных мероприятий стимулировали рост влияния пантюркизма, панисламизма и автономизма среди казахов, хотя определенное влияние оказывали те среднеазиатские мусульманские лидеры, кто выступал за джихад, особенно после андижанского восстания 1898 г.

5 этап. Конец XIX в.–1917 г. Начало политизации ислама в казахской степи. В это время появились пантюркистские и панисламистские издания и организации, имевшие большее влияние в Туркестанском, нежели в Степном крае. Во главе большинства из них стояли этнические казахи. Участие казахских и иных депутатов от мусульманских народов в парламентской деятельности, в том числе с отстаиванием интересов религиозного разнообразия с требованиями равенства по религиозному признаку. Активная пропаганда и агитация за реализацию права на национально-государственный суверенитет казахов, сопровождавшиеся неудачными попытками правительства сопротивления этим процессам.

II период. С 1917 г. Создание светского государства, отделение церкви от государства и системы народного образования. Законодательное (формально-правовое) закрепление принципов свободы совести и равенства религиозных конфессий. Этот период не является темой настоящего исследования и потому лишь обозначается хронологической границей.

* Термин «неверноподанные» использовался в российской административной лексике XVIII–начала XIX вв.

Работа выполнена в рамках программы целевого финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан BR10965282 «Казахстанско-российская граница: исторический контекст и новая геополитическая реальность».

Список литературы

- 1 Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. (По поводу семиреченских надписей) // В.В. Бартольд. Сочинения. — Т. 2. — Ч. 2. — М.: Наука, 1964. — С. 265–302.
- 2 Артамонов М.И. История хазар / М.И. Артамонов. — Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. — 523 с.
- 3 Вамбери А. Путешествие по Средней Азии / А. Вамбери; пер с нем. — М.: Восточная литература, 2003. — 193 с.
- 4 Кляшторный С.Г. Казахстан: летопись трех тысячелетий / С.Г. Кляшторный, Т.И. Султанов. — Алматы: Рауан, 1992. — 378 с.
- 5 Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей / А.И. Левшин; под общ. ред. М.К. Козыбаева. — Алматы: Санат, 1996. — 656 с.
- 6 Круз Р. За пророка и царя. Ислам и империя в России и Центральной Азии / Р. Круз; пер с англ. — М.: Новое литературное обозрение, 2020. — 408 с.
- 7 Абашин С.Н. Потомки святых в современной Средней Азии / С.Н. Абашин // Этнографическое обозрение. — 2001. — № 4. — С. 62–83.
- 8 Стрелкова И. Валиханов / И. Стрелкова. — 2-е изд., доп. — М.: Молодая гвардия, 1990. — 298 с.
- 9 Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба. Область сибирских киргизов. — Ч. I. / сост. М.В. Красовский. — СПб.: Типогр. Граншеля, Ретгера и Шнейдера, 1868. — 472 с.
- 10 Российский государственный исторический архив. — РГИА. — 1851. — Ф. 853. — Оп. 1. — Д. 23.
- 11 Материалы по истории Средней и Центральной Азии X–XIX вв. — Ташкент: Изд-во «Фан» УзССР, 1988. — 413 с.
- 12 Момынова Ш.Р. Материалы по истории Казахстана (XIII–XVIII вв.). — Вып. II. / Ш.Р. Момынова. — Караганда: Изд-во Караганд. гос. ун-та, 1993. — 160 с.
- 13 Странствование Филиппа Ефремова в Киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии, Тибете и Индии и возвращение его оттуда через Англию в Россию. 3-е, вновь передел., испр. и умнож. изд. // Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины II. — М.: Восточная литература, 1995. — С. 177–257.
- 14 Центр хранения архивных фондов Алтайского края. — ЦХАФ АК. — Ф. 1. — Оп. 2 доп. — Д. 85.
- 15 Медоев А. Камень и эстетика номадов / А. Медоев // Кочевники. Эстетика: Познание мира традиционным казахским искусством. — Алматы: Ғылым, 1993. — С. 237–263.
- 16 Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII–начале XX вв. (Политико-экономический анализ) / С.Е. Толыбеков. — Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1971. — 636 с.
- 17 Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации / Г.Е. Марков. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. — 320 с.
- 18 Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества / Н.Э. Масанов. — Алматы: Социнвест; М.: Горизонт, 1995. — 320 с.
- 19 Ельницкий К. Инородцы Сибири и Среднеазиатских владений России. Этнографические очерки / К. Ельницкий. — 2-е изд. — СПб.: Изд. М.М. Гутзаца, 1908. — 136 с.
- 20 Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук // Архив СПб. ИИ РАН. — Ф. 36. — Оп. 1. — Д. 439.
- 21 Юдин В.П. «Та`рих-и Шайбани» как источник по истории казахского и каракалпакского народов / В.П. Юдин // Вопросы историографии и источниковедения Казахстана (дореволюционный период). — Алма-Ата, 1988. — 264 с.
- 22 Таштемханова Р. Путешествие Отто Финша и Альфреда Брема в Западную Сибирь [Электронный ресурс]. — / Р. Таштемханова. — Режим доступа: <http://prostor.samal.kz/texts/num1203/tas1203.htm>
- 23 Залесский Б. Жизнь казахских степей / Б. Залесский; пер. с фр. — Алматы: Онер, 1991. — 132 с.
- 24 Сиверс И. Письма из Сибири / И. Сиверс; Фальк И.П. Описание всех национальностей России / И.П. Фальк; пер с нем. — Алматы: Ғылым, 1999. — 136 с.
- 25 Назаров Ф. Записки о некоторых народах Азии в землях средней части Азии / Ф. Назаров. — М.: Восточная литература, 1968. — 98 с.
- 26 Герн фон В.К. Характер и нравы казахов. (Этнографические заметки) / В.К. фон Герн; комм., предисл. и ред. Ж.О. Артыкбаева. — Караганда: ТОО «Номад и Ко», 1995. — 39 с.
- 27 Джампеисова Ж.М. Функционирование традиционных властных институтов казахов в колониальной системе Российской империи: автореф. дис. на соискание уч. степени канд. ист. наук: шифр и название специальности / Ж.М. Джампеисова. — Алматы, 2004. — 32 с.
- 28 Архив СПб. ИИ РАН. — Ф. 179. — Оп. 1. — Д. 11.
- 29 РГИА. — Ф. 853. — Оп. 1. — Д. 236.

- 30 Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. Предисл. Н.А. Халфина / Е.К. Мейендорф. — М.: Восточная литература, 1975. — 183 с.
- 31 Архив СПб. ИИ РАН. — Ф. 36. — Оп. 1. — Д. 524.
- 32 Быков А.Ю. Об этнических стереотипах населения Кулундинского района Алтайского края: восприятие русскими и казахами друг друга / А.Ю. Быков, О.В. Боронин // Российская западная Сибирь — Центральная Азия: новая региональная идентичность, экономика, безопасность: материалы Междунар. конф. Белокуриха, 24–25 мая 2002 г. — Барнаул: АзБука, 2003. — С. 485–494.
- 33 Быков А.Ю. Региональные аспекты российско-казахстанского пограничья (на примере Алтайского края Российской Федерации) / А.Ю. Быков, О.В. Боронин // Центральная Азия и Кавказ // Журн. общ.-полит. исслед. (Лулио, Швеция). — 2003. — №1(25). — С. 180–188.
- 34 Октябрьская И.В. Казахская проблема. Этнополитическая и этноконфессиональная ситуация на юге Сибири / И.В. Октябрьская // Россия — Центральная Азия: проблемы миграций и безопасности: материалы семинара «Безопасность в «контактных зонах» Азиатской России и Центральной Азии: опыт и практика регулирования этнополитических напряжений. Барнаул, 26–27 февраля 2002 г. — Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. — С. 167–176.
- 35 Востров В.В. Родоплеменной состав и расселение казахов на территории Семиреченской области (XIX — начало XX в.) / В.В. Востров // Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана. — Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961. — С. 119–135.
- 36 Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз). — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 699.
- 37 Сулейменов Р.Б. Из истории Казахстана XVIII века (о внешней и внутренней политике Аблая) / Р.Б. Сулейменов, В.А. Моисеев. — Алма-Ата: Наука, 1988. — 144 с.
- 38 Архив внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел Российской Федерации (АВПРИ МИД РФ). — 1747 г. — Ф. 122. — Д. 3.
- 39 Российский государственный архив древних актов (РГАДА). — 1745–1750 гг. — Ф. 248. — Оп. 14. — Кн. 803.
- 40 Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). — 1754–1757 гг. — Т. XIV. — СПб.: Типогр. II отд. ЕИВ Канцелярии, 1830.
- 41 Государственный архив Оренбургской области (ГАОрО). — Ф. 2. — Оп. 1. — Д. 9.
- 42 Смирнов Ю.Н. Сборник экстрактов именных указов 1734–1741 гг. (в комплексе материалов Оренбургской комиссии — источников по истории отношений России с народами Средней Азии) / Ю.Н. Смирнов, под ред. Д.Ю. Арапова. Сб. Русского исторического общества. — Т. 5(133) — М.: Русская панорама, 2002. — С. 11–31.
- 43 РГАДА. — 1758 г. — Ф. 248. — Оп. 113. — Д. 889.
- 44 Каппелер А. Мазепинцы, малоросы, хохлы: украинцы в этнической истории Российской империи // Россия–Украина: История взаимоотношений / А. Каппелер, отв. ред. А.И. Миллер, В.Ф. Репринцев, Б.Н. Флоря. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. — С. 125–145.
- 45 Ремнев А.В. Генерал-губернатор Западной Сибири А.О. Дюгамель / А.В. Ремнев // Изв. Омск. гос. ист.-краевед. муз. — Омск, 1996. — № 4. — С. 136–144.
- 46 Ремнев А.В. Имперское управление азиатскими регионами России в XIX–начале XX веков: некоторые итоги и перспективы изучения / А.В. Ремнев // Сибирская заимка. — 2001. — № 7.
- 47 Ремнев А.В. Сделать Сибирь и Дальний Восток русскими: к вопросу о политической мотивации колонизационных процессов XIX – начала XX века / А.В. Ремнев // Сибирская заимка. — 2002. — № 3; Ремнев А.В. Географические, административные и ментальные границы Сибири XIX–начало XX в. / А.В. Ремнев // Сибирская заимка. — 2002. — № 8.
- 48 Каппелер А. Две тенденции в отношениях России к мусульманским народам Российской империи / А. Каппелер // Отечественная история. — 1993. — № 2. — С. 129–135.
- 49 Арапов Д.Ю. Первый российский генерал-мусульманин Кутлу-Мухаммед Тевкелев / Д.Ю. Арапов // сб. Русского исторического общества. — Т. 5 (153). — М.: Русская панорама, 2002. — С. 32–37.
- 50 Моисеев В.А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке. (Очерки внешнеполитических отношений) / В.А. Моисеев. — Барнаул: Изд-во АГУ, 1998. — 174 с.
- 51 Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба. Киргизская степь Оренбургского ведомства. — Т. 10 / сост. Л. Мейер. — СПб.: Типогр. Э. Веймара и Ф. Персона, 1865. — 382+12 с.
- 52 Казахское дворянство. XIX — начало XX вв.: моногр. в документах / отв. ред. Г.С. Султангалиева; сост. Г.С. Султангалиева, У.Ж. Тулешова. — Алматы: Қазақ университеті, 2020. — 418 с.
- 53 Бекмаханов Е.Б. Реакционная роль мусульманства, духовенства / Е.Б. Бекмаханов // Вестн. АН КазССР. — 1949. — №11. — С. 65–76.
- 54 Киселева М.С. Книжник и ученый: Симеон Полоцкий и Василий Татищев / М.С. Киселева // Человек между Царством и Империей: материалы Междунар. конф. «Человек между царством и империей: культурно-исторические реалии, идейные столкновения, рождение перспектив». — Москва, 14–15 ноября 2002 г. — М.: Институт человека РАН, 2003. — С. 201–219.
- 55 Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей / И.И. Крафт. — Оренбург: Типо-литогр. П.Н. Жаринова, 1898. — 532 с.
- 56 Записки Ивана Ивановича Неплюева (1693–1773). — СПб., 1893; Оренбург: Изд-во «Оренбургская губерния», 2004 (факс. изд.). — 198+VIII с.

- 57 Вишленкова Е. Заботясь о душах подданных: религиозная политика России первой четверти XIX в. — [Электронный ресурс]. / Е. Вишленкова. — Режим доступа: <http://mion.sgu.ru/books>
- 58 ЦХАФ АК. — Ф. 1. — Оп. 2 доп. — Д. 2.
- 59 Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 годы): сб. док. и материалов. — Т. 2. — Алма-Ата: Наука, 1964. — 575+VIII с.
- 60 Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы российского Министерства иностранных дел. — Сер. 2. — Т. 3(11). — М.: Наука, 1979. — 879 с.
- 61 Архив СПб. ИИ РАН. — Ф. 267. — Оп. 1. — Д. 90.
- 62 Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). — Ф. 4. — Оп. 1. — Д. 3516.
- 63 Бекмаханов Е.Б. Казахстан в 20–40-е годы XIX века / Е.Б. Бекмаханов. — 2-е изд. — Алма-Ата: Қазақ университеті, 1992. — 400 с.
- 64 Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края. — Т. 4. 1842 и 1843 гг. / сост. А.Г. Серебrenников. — Ташкент: Типогр. Штаба Туркестанского военного округа, 1914. — 467+IV с.
- 65 РГИА. — 1871 г. — Ф. 1405. — Оп. 69. — Д. 7102-б.
- 66 Губернаторы Оренбургского края / сост. В.Г. Семенов, В.П. Семенова. — Оренбург: Оренбург. книж. изд-во, 1999. — 396 с.
- 67 Вяткин М.П. Журнал Оренбургского муфтия / М.П. Вяткин // Исторический архив. — Т. 2. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1939. — С. 117–220.
- 68 Архив СПб. ИИ РАН. — Ф. 36. — Оп. 1. — Д. 438.
- 69 Архив Государственного Совета. — Т. 1. Совет в царствование императрицы Екатерины II (1768–1796 гг.). — Ч. 1. — СПб.: Типогр. II отд. ЕИВ канцелярии, 1869. — 1122+V с.
- 70 Архив СПб. ИИ РАН. — Ф. 267. — Оп. 1. — Д. 7.
- 71 Россия, Запад и мусульманский Восток в колониальную эпоху. — СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1996. — 154 с.
- 72 Вяткин М.П. Батыр Срым / М.П. Вяткин. — М.: Наука, 1947. — 392 с.
- 73 Юдин П.Л. Игельстром в Оренбургском крае (1784–1792 и 1796–1798 гг.) / П.Л. Юдин, О.А. Барон // Русский архив. — Кн. I. — № 4. — М.: Типогр. Моск. ун-та, 1897. — С. 513–545.
- 74 Замечания майора Бланкенагеля впоследствии поездки его из Оренбурга в Хиву, в 1793–94 годах. Изд. с объясн. В.В. Григорьева. — СПб.: Типогр. Морского мин-ва, 1858. — 32 с.
- 75 Зиманов С.З. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX вв. / С.З. Зиманов. — Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. — 296 с.
- 76 Азаматов Д.Д. Оренбургское Магометанское Духовное Собрание в общественной и духовной жизни мусульманского населения южного Урала в конце XVIII–XIX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 — «Отечественная история» / Д.Д. Азаматов. — Уфа, 1994. — 36 с.
- 77 Дашковский П.К. Ислам и империя: положение мусульманских общин Западной Сибири в контексте государственно-конфессиональной политики во второй половине XIX — начале XX в. / П.К. Дашковский, Е.А. Шершнева. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. — С. 18.
- 78 Абдрахманова Б.М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке / Б.М. Абдрахманова. — Астана: РАПО «Полиграфия», 1998. — 242 с.
- 79 Асанова С.А. Ислам в духовной культуре Казахстана начала века / С.А. Асанова // Казахстан в начале XX века: методология, историография, источниковедение. — Алматы: ТАДАП, 1994. — С. 74–84.
- 80 Мубаракзянов М.А. Политика российского правительства в отношении Малого жуза в 80–90-е гг. XVIII в. и Оренбургский муфтий М. Хусаинов / М.А. Мубаракзянов // Оренбургское магометанское духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII–начале XX вв.: материалы науч. сем. (Казань, 18 декабря 2009 г.). — Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. — С. 100–107.
- 81 Данилина М.В. Деятельность О.А. Игельстрема в 1770–1790-х гг. / М.В. Данилина // Работа на Всероссийскую программу поддержки молодых исследователей «Шаг в будущее». Рукопись на 19 л. — Барнаул, 2000. — Из личного архива автора. — 24 с.
- 82 Архив СПб. ИИ РАН. — Ф. 267. — Оп. 1. — Д. 106.
- 83 Архив СПб. ИИ РАН. — Ф. 36. — Оп. 1. — Д. 495.
- 84 Добросмыслов А. Заботы императрицы Екатерины II о просвещении киргизов // Тр. Оренбург. Ученой Архивной Комиссии. — Вып. IX. — Оренбург: Губерн. типогр., 1902. — 208 с.
- 85 Хохлов А.Н. Поездка В.В. Верещагина в Чугучак в 1869 году: Неизвестные страницы путешествий русского художника по Центральной Азии / А.Н. Хохлов // Восточный архив. — 2004. — №11, 12. — С. 3–9.
- 86 Архив СПб. ИИ РАН. — Ф. 267. — Оп. 1. — Д. 23.
- 87 РГИА. — 1827 г. — Ф. 1291. — Оп. 8. — Д. 126.
- 88 Неизвестный Владимир Иванович Даль. Оренбургский край в очерках и научных трудах писателя. — Оренбург: Оренбург. книж. изд-во, 2002. — 478 с.

- 89 Абдрахманова Б.М. Разработка М.М. Сперанским «Устава о сибирских киргизах» 1822 г. и социально-политические институты казахского общества / Б.М. Абдрахманова // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер.8. История. — 1991. — № 4. — С. 49–58.
- 90 Материалы по казахскому обычному праву: Сб. 1. — Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1948. — 350 с.
- 91 Рассказ из жизни киргиз Николаевского уезда Тургайской области, с 1830 по 1880 год // ЗОО ИРГО. — Вып. I. — 1891. — С. 98–117.
- 92 Сейдалин Т. О развитии хлебопашества по бассейну реки Тургая / Т. Сейдалин // ЗОО ИРГО. — Вып. I. — Оренбург, 1870. — С. 234–257.
- 93 Архив СПб. ИИ РАН. — Ф. 267. — Оп. 1. — Д. 26.
- 94 Соколов Ю.А. Начало военных действий против Кокандского ханства и вопросы присоединения его к России / Ю.А. Соколов // Материалы по истории присоединения Средней Азии к России. — Ч. I // Науч. тр. ТашГУ им. В.И. Ленина. — Ташкент, 1969. — С. 44–46.
- 95 Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). — Ф. ВУА. — Оп. 1. — Д. 1117.
- 96 Валиханов Ч.Ч. Записка о судебной реформе: Избранные произведения / Ч.Ч. Валиханов. — Алма-Ата: Наука КазССР, 1958. — С. 196–235.
- 97 РГИА. — 1852–1860 гг. — Ф. 853. — Оп. 1. — Д. 93.
- 98 Быков А.Ю. Истоки модернизации Казахстана. (Проблема седентаризации в российской политике XVIII — начала XX века) / А.Ю. Быков. — Барнаул: Изд-во «АзБука», 2003. — 268 с.
- 99 РГИА. — 1852 г. — Ф. 853. — Оп. 1. — Д. 24.
- 100 Курныкин О.Ю. Исламский фактор в Казахстане: исторический опыт и современные реалии / О.Ю. Курныкин // Россия–Центральная Азия: проблемы миграций и безопасности: материалы сем. «Безопасность в «контактных зонах» Азиатской России и Центральной Азии: опыт и практика регулирования этнополитических напряжений. — Барнаул, 26–27 февраля 2002 г. — Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. — С. 110, 111.
- 101 Архив СПб. ИИ РАН. — Ф. 267. — Оп. 1. — Д. 27.
- 102 Ремнев А.В. Центрально-азиатский имперский треугольник в геополитической конструкции М.И. Венюкова / А.В. Ремнев // Россия–Центральная Азия: проблемы миграций и безопасности: материалы сем. «Безопасность в «контактных зонах» Азиатской России и Центральной Азии: опыт и практика регулирования этнополитических напряжений. — Барнаул, 26–27 февраля 2002 г. — Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. — С. 71–80.
- 103 Балкашин Н.Н. О киргизах и вообще подвластных России мусульманах / Н.Н. Балкашин. — СПб.: Типогр. МВД, 1887. — 60 с.
- 104 Архив СПб. ИИ РАН. — Ф. 267. — Оп. 1. — Д. 28.
- 105 Лысенко Ю.А. «Татарский вопрос» в конфессиональной политике Российской империи в Казахстане (конец XVIII — начало XX в.) / Ю.А. Лысенко // Изв. Алт. гос. ун-та. — 2010. — №3, 4. — С. 146–152.
- 106 Попов А.Л. Из истории завоевания Средней Азии / А.Л. Попов // Исторические записки. — Т. 9. — М.-Л., 1940.
- 107 ЦГА РК. — 1839 г. — Ф. 64. — Оп. 1. — Д. 162.
- 108 Казахские пословицы и поговорки / сост. и пер. с каз. М.А. Аккозин. — 2-е изд., исп. и доп. — Алма-Ата: Казахстан, 1985. — 88 с.
- 109 Букейханов А.Н. Книжное имя его Ибрагим (Авраам) / А.Н. Букейханов // Слово об Абае. — Алма-Ата: Өнер, 1994. — С. 92–95.
- 110 Елисеев Е. Записки миссионера Буконского стана Киргизской миссии за 1892–1899 гг. / Е. Елисеев. — СПб.: Типогр. Е. Евдокимова, 1900. — 224 с.
- 111 Синьковский Ф. Записки миссионера Киргизской миссии, священника Филарета Синьковского, за последнюю треть 1882 года (начало Киргизской миссии) и за 1883 год / Ф. Синьковский // Томские епархиальные ведомости. — 1884. — Т. 7, 8. Отдельный оттиск. — Томск: Типо-литогр. Михайлова и Макушина, 1884. — 26 с.
- 112 Мухамедов Ш.Б. Историко-источниковедческий анализ государственного регулирования ислама Российской империей в Туркестане (1864–1917) / Ш.Б. Мухамедов // АН Республики Узбекистан, Ин-т истории. — Ташкент: Baktria press, 2013. — 256 с.
- 113 Жиренчин К.А. Политическое развитие Казахстана в XIX–начале XX веков / К.А. Жиренчин. — Алматы: Жеті жарғы, 1996. — 352 с.
- 114 ЦГА РК. — Ф. 25. — Оп. 1. — Д. 1471.
- 115 Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника / пер. с нем., примеч. и послесл. С.И. Вайнштейна / В.В. Радлов. — М.: Восточная литература, 1989. — 752 с.
- 116 Небольсин П. Путешествующий киргиз / П. Небольсин // Русский вестн. — Т. 29. «Современная летопись». — 1960. — С. 41–49.
- 117 Желунов И.И. Киргизомания / И.И. Желунов // Русский вестн. — 1860. — Т. 30. «Современная летопись». — №1. — С. 45–51.
- 118 Плотников Л. По поводу статьи: Путешествующие киргизы / Л. Плотников // Русский вестн. — 1860. — Т. 30. «Современная летопись». — №1. — С. 245–277.

- 119 Гейнс А.К. Киргизские очерки / А.К. Гейнс // Военный сб. — 1866. — №6. — С. 305–348.
- 120 РГИА. — 1899 г. — Ф. 1291. — Оп. 84. — Д. 38. — Ч. I.
- 121 Азиатская Россия. — Ч. I. Люди и порядки за Уралом. — СПб., 1914. — 578+VIII с.
- 122 История философии: Запад–Россия–Восток. — Кн. 3. Философия XIX–XX вв. — 2-е изд. — М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1999. — 448 с.
- 123 Лакост де. Г. Россия и Великобритания в Центральной Азии / Г. де Лакост. — Ташкент: Изд. Штаба Туркестанского военного округа, 1908. — 102+2 с.
- 124 Моисеев В.А. Россия и цинский Китай глазами мусульманских народов Центральноазиатского фронта (вторая половина XIX–начало XX вв.). Докл. на Междунар. конф. «Российско-американский фронт». Рукопись / В.А. Моисеев // Из личного архива автора. — 2001. — 6 с. Опубликовано с коррективами в «Европейские исследования в Сибири»: Материалы Всерос. науч. конф. «Американский и сибирский Фронт» 6–8 февраля 2001 г. Вып. 3. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. — С. 26–34.
- 125 Письма Н.И. Ильминского к обер-прокурору Святейшего Синода К.П. Победоносцеву. — Казань, 1885. — 414+XVIII с.
- 126 Алексеев И.Л. Н.П. Остроумов о проблемах управления мусульманским населением Туркестанского края / И.Л. Алексеев // сб. Русского исторического общества. — Т. 5(133) / под ред. Д.Ю. Арапова. — М.: «Русская панорама», 2002. — С. 89–95.
- 127 Сабитов Н. Мектебы и медресе у казахов / Н. Сабитов. — Алма-Ата: Наука КазССР, 1950. — 42 с.
- 128 Махмутов З.А. Духовная и образовательная деятельность татар в казахской степи в контексте внутренней политики Российской империи (вторая половина XVIII–начало XX века) / З.А. Махмутов // Самар. науч. вестн. — 2017. — Т. 6. — № 1(18). — С. 113–117.
- 129 Рабочее и аграрное движение в Казахстане в 1907–1914 годах: сб. док. и материалов. — Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1957. — 567+XXIV с.
- 130 Рассмотрение сметы Переселенческого Управления на 1912 г. в Общем Собрании Государственной думы // Вопросы колонизации. — 1912. — № 11.
- 131 Записки П.А. Столыпина по «мусульманскому вопросу» / предисл., примеч. и коммент. Д.Ю. Арапова // Восток. — 2003. — № 2. — С. 124–144.
- 132 Записка С.Ю. Витте по «мусульманскому вопросу» 1900 г. (Публикация Д.Ю. Арапова) // сб. Русского исторического общества. — Т. 1(155). — М., 2003. — С. 198–209.
- 133 Кейн А. Российский хадж. Империя и паломничество в Мекку / А. Кейн; пер. с англ. — М.: Новое литературное обозрение, 2021. — 296 с.
- 134 Саидазимбаев С.-Г. Отчет Саид-Гани Саидазимбаева о движении мусульманских паломников в Мекку в 1908 году / С.-Г. Саидазимбаев. — СПб.: Типогр. «Экспресс» В.С. Борозина, 1909. — 23 с.
- 135 «Туркестанскому генерал-губернатору...»: публ. «Краткого отчета о настроении мусульманского населения в Туркестанском крае к октябрю 1914 года» / подг. к печ. Ю.А. Сумарокова // Воен.-ист. журн. — 1990. — №11. — С. 79–87.
- 136 ЦГА РК. — Ф. 64. — Оп. 1. — Д. 1430.
- 137 Бекмаханов Е.Б. Новые материалы к творческой биографии Абая Кунанбаева / Е.Б. Бекмаханов // Ученые записки Казах. гос. ун-та. Сер. ист. — 1959. — Т. 38. — Вып. 4. — С. 163–169.
- 138 Бейсенбаева С. 10 лет под следствием / С. Бейсенбаева // «Казахстанская правда». — 1994. — 14 сент.
- 139 Букейханов А. Киргизы / А. Букейханов // Формы национального движения современного государства. — СПб., 1910. — 599 с.
- 140 Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России / под ред. Л.Б. Вардомского и С.В. Голунова. — М.–Волгоград: НОФМО, 2002. — 572 с.
- 141 Восстание 1916 года в Средней Азии: сб. док. / под ред. П.Г. Галузо. — Ташкент: Госиздат УзССР, 1932. — 175 с.
- 142 Мусырманова А.Ш. Восстание 1916 г. в Акмолинской и Семипалатинской областях / А.Ш. Мусырманова // Валихановские чтения–2: материалы науч.-практ. конф. — Ч. I. — Кокшетау: Ылым, 1994. — С. 70–73.
- 143 Рассмотрение сметы Переселенческого Управления на 1910 год в Общем Собрании Государственной Думы // Вопросы колонизации. — 1910. — № 7. — С. 429–508.
- 144 Архив Санкт-Петербургского отделения Института востоковедения Российской академии наук (Архив СПбО ИВ РАН). — Разд. III. — Оп. 1. — Д. 45.
- 145 Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). — Ф. Р6655. — Оп. 1. — Д. 29.
- 146 Образование Союза Советских Социалистических Республик: сб. док. — М.: Наука, 1972. — 472 с.
- 147 Быков А.Ю. К вопросу об автономии сибирских властей в решении международных проблем в середине XIX в. (на примере присоединения Туркестанского края) / А.Ю. Быков // Сибирь в системе международных связей: сб. науч. ст. и материалов / под ред. В.П. Зиновьева. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. — С. 24–26.

Ресей империясы билігінің қазақтардың «мұсылман мәселесін» шешуі

Мақалада империялық ресейлік үкіметтің эволюциясы мен қазақтар арасындағы «мұсылмандық мәселесі» деп аталатын аймақтық саясат мәселесі қарастырылған. Қазақ исламынан бас тартудан бастап, татар молдалары мен арнайы құрылған органдардың, ең алдымен, муфтияттың көмегімен қазақтарды империялық құрылымдарға қосу құралы ретінде пайдалануға дейінгі кезеңге бөлуге әрекет жасалды. Яғни Орынбор және Батыс Сібір билігінің саясатында екі бағыттың пайда болуы, қазақ исламында саясиландыру элементтерін және сепаратистік тенденциялардың даму қаупін байқаған үкімет тарабы сақтықпен қараған. Исламдық білім беру элементтерін қолдана отырып ағарту, ғибадат етушілердің санын өзгерту арқылы исламның қазақ ортасына енуін кеңейту, биліктің ислам институттарын қарапайым отаршыл әкімшіліктің ресми лауазымдары ретінде пайдалану әрекеттері мәселелері зерттелген. Әкімшіліктің, саяхатшылардың, зерттеушілердің қазақтың және ортаазияның исламды қабылдауының эволюциясы, сонымен қатар қазақтардың жүргізген реформаларды қабылдауы мәселелері де қаралған. Саяси процестің эволюциясы Ресейдің қазақ даласында және империя мұсылмандары арасында жүргізген басқа да әкімшілік реформаларына байланысты зерттеліп, бұл мәселенің әр кезеңдегі отаршылдық саясаттағы орны мен рөлі айқындалған. Сондай-ақ сыртқы саяси жағдайдың өзгеруіне және иелік шекарасының өзгеруіне байланысты Ресей билігінің ұстанымын түзету талданған. Дереккөз кешенін Ресей, Қазақстан және Өзбекстан қоймаларынан алынған материалдар, мұрағаттық және жарияланған құжаттар құрайды, олардың кейбіреулері алғаш рет ғылыми айналымға енгізіліп отыр.

Кілт сөздер: Ресей империясы, ислам, мұсылман мәселесі, православие, қазақтар, діни саясат, шекара, жаңғыру, Дала өлкесі, молда, мешіт, муфтият, кезеңдеу.

A.Y. Bykov

The solution by the authorities of the Russian Empire of the “Muslim question” among the Kazakhs

The article deals with the evolution of the imperial Russian government and regional policy on the so-called Muslim issue among the Kazakhs. An attempt was made to periodize from the rejection of Kazakh Islam, to its use as a tool for incorporating Kazakhs into imperial structures with the help of, first of all, Tatar mullahs and specially created bodies, primarily the muftiate, to the emergence of two parallel lines in the policy of the Orenburg and West Siberian authorities to wary attitude on the part of the government, which noticed in Kazakh Islam elements of politicization and the threat of the development of separatist tendencies. At the same time, issues of education using elements of Islamic education, expanding the penetration of Islam into the Kazakh environment by changing the number of cultists, and attempts by the authorities to use Islamic institutions as official positions in the grassroots colonial administration are considered. The issues of the evolution of the perception of Kazakh and Central Asian Islam by the administration, travelers, researchers are also considered; as well as the perception of the ongoing reforms by the Kazakhs. The evolution of the political process is considered in connection with other administrative reforms of Russia in the Kazakh steppe and among the Muslims of the empire, the place and role of this issue in colonial policy at various stages are determined. It also analyzes the correction of the position of the Russian authorities, depending on the change in the foreign policy situation and changes in the boundaries of possessions. The source complex was made up of published and archival documents and materials from the repositories of Russia, Kazakhstan and Uzbekistan, a number of which are being introduced into scientific circulation for the first time.

Key words: Russian Empire, Islam, Muslim question, Orthodoxy, Kazakhs, religious policy, frontier, modernization, Steppe region, mullah, mosque, Muftiat, periodization.

References

- 1 Bartold, V.V. (1964). O khristianstve v Turkestanе v domongolskii period (Po povodu semirechenskikh nadpisei) [About Christianity in Turkestan in the pre-Mongol period (Regarding the Semirechye inscriptions)]. Sochineniia [Essays]. Vol. 2. Part 2. Moscow: Nauka, 265–302 [in Russian].
- 2 Artamonov, M.I. (1962). Istoriia khazar [History of the Khazars]. Leningrad: Izdatelstvo Gosudarstvennogo Ermitazha [in Russian].
- 3 Vamberi, A. (2003). Puteshestvie po Srednei Azii [Journey through Central Asia]. (Trans). Moscow: Vostochnaia literatura [in Russian].
- 4 Kliashornyi, S.G., & Sultanov, T.I. (1992). Kazakhstan: letopis trekh tysiacheletii [Kazakhstan: a chronicle of three millennia]. Almaty: Rauan [in Russian].

- 5 Levshin, A.I. (1996). *Opisanie kirgiz-kazachikh, ili kirgiz-kaisatskikh, ord i stepei* [Description of the Kirghiz-Cossack, or Kirghiz-Kaisak hordes and steppes]. M.K. Kozybaev (Ed.). Almaty: Sanat [in Russian].
- 6 Kruz, R. (2020). *Za proroка i tsaria. Islam i imperiia v Rossii i Tsentralnoi Azii* [For a prophet and a king. Islam and Empire in Russia and Central Asia]. (Trans). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [in Russian].
- 7 Abashin, S.N. (2001). *Potomki sviatykh v sovremennoi Srednei Azii* [Descendants of saints in modern Central Asia]. *Etnograficheskoe obozrenie - Ethnographic Review*, 4, 62–83 [in Russian].
- 8 Strelkova, I. (1990). *Valikhanov [Valihanov]. 2-e izdanie, dopolnennoe* [2nd edition, supplement] Moscow: Molodaia gvardiia [in Russian].
- 9 (1868). *Materialy dlia geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami Generalnogo Shtaba. Oblast sibirskikh kirgizov* [Materials for the geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff. Region of the Siberian Kirghiz]. Part I. Compiled by M.V. Krasovsky. Saint-Petersburg: Tipografiia Transhelii, Rettera i Shneidera [in Russian].
- 10 Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA). F. 853. Op. 1. D. 23. 1851 [Russian State Historical Archive — RSHA. Fund 853. Case 1. Inv. 23. 1851]. [in Russian].
- 11 (1988). *Materialy po istorii Srednei i Tsentralnoi Azii X–XIX vv.* [Materials on the history of Middle and Central Asia X–XIX centuries]. Tashkent: Izdatelstvo “Fan” UzSSR, 413 [in Russian].
- 12 Momynova, Sh.R. (1993). *Materialy po istorii Kazakhstana (XIII–XVIII vv.)* [Materials on the history of Kazakhstan (XIII–XVIII centuries)]. Issue 2. Karaganda: Izdatelstvo Karagandinskogo universiteta [in Russian].
- 13 (1995). *Stranstvovanie Filippa Efremova v Kirgizskoi stepi, Bukharii, Khive, Persii, Tibete i Indii i vozvrashchenie ego otтуда cherez Angliiu v Rossiiu. Trete, vnov peredelannoe, ispravlennoe i umnozhennoe izdanie* [The wanderings of Philip Efremov in the Kirghiz steppe, Bukhara, Khiva, Persia, Tibet and India and his return from there through England to Russia. Third, again revised and enlarged edition]. *Puteshestviia po Vostoku v epokhu Ekateriny II - Travels in the East in the era of Catherine II.* — Moscow: Vostochnaia literatura [in Russian].
- 14 Tsentr khraneniia arkhivnykh fondov Altaiskogo kraia (TsKhAF AK). F. 1. Op. 2 dop. D. 85 [Center for storage of archival funds of the Altai region – CSAFAR. Fund 1. Case 2 Ad. Inv. 85] [in Russian].
- 15 Medoev, A. (1993). *Kamen i estetika nomadov* [Stone and aesthetics of nomads]. *Kochevniki. Estetika: Poznanie mira traditsionnym kazakhskim iskusstvom — Nomads. Aesthetics: Cognition of the world by traditional Kazakh art.* Almaty: Gylym [in Russian].
- 16 Tolybekov, S.E. (1971). *Kochevoe obshchestvo kazakhov v XVII — nachale XX vv. (Politiko-ekonomicheskii analiz)* [Nomadic society of the Kazakhs in the XVII — early XX centuries (Political Economic Analysis)]. Alma-Ata: Nauka [in Russian].
- 17 Markov, G.E. (1976). *Kochevniki Azii. Struktura khoziaistva i obshchestvennoi organizatsii* [Nomads of Asia. The structure of the economy and social organization]. Moscow: Izdatelstvo Moskovskogo unersiteta [in Russian].
- 18 Masanov, N.E. (1995). *Kochevaia tsivilizatsiia kazakhov: osnovy zhiznedeiatelnosti nomadnogo obshchestva* [The nomadic civilization of the Kazakhs: the foundations of the life of a nomadic society]. Almaty: Sotsinvest; Moscow: Gorizont [in Russian].
- 19 Elnitskii, K. (1908). *Inorodtsy Sibiri i Sredneaziatskikh vladenii Rossii. Etnograficheskie ocherki* [Foreigners of Siberia and the Central Asian possessions of Russia. Ethnographic essays]. (2d ed). Saint-Petersburg: Izdanie M.M. Gutzatsa [in Russian].
- 20 *Arkhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii Rossiiskoi akademii nauk (Arkhiv SPb. II RAN)*. F. 36. Op. 1. D. 439. [Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences]. Fund 36. Case 1. Inv. 439]. [in Russian].
- 21 Yudin, V.P. (1988). *“Ta’rikh-i Shaybani” kak istochnik po istorii kazakhskogo i karakalpakskogo narodov. Voprosy istoriografii i istochnikovedeniia Kazakhstana (dorevoliutsionnyi period)*. [“Ta’rikh-i Shaybani” as a source on the history of the Kazakh and Karakalpak peoples]. Alma-Ata [in Russian].
- 22 Tashtemkhanova, R. *Puteshestvie Otto Finsha i Alfreda Brema v Zapadnuui Sibir* [Journey of Otto Finsch and Alfred Brehm to Western Siberia]. Retrieved from <http://prostor.samal.kz/texts/num1203/tas1203.htm> [in Russian].
- 23 Zalesskii, B. (1991). *Zhizn kazakhskikh stepei* [Life of the Kazakh steppes]. Almaty: Oner [in Russian].
- 24 Sivers, I. (1999). *Pisma iz Sibiri; Falk I.P. Opisanie vsekh natsionalnostei Rossii* [Sievers I. Letters from Siberia; Falk I.P. Description of all nationalities of Russia]. (Trans). Almaty: Gylym [in Russian].
- 25 Nazarov, F. (1968). *Zapiski o nekotorykh narodakh Azii v zemliakh srednei chasti Azii* [Notes on some peoples of Asia in the lands of the middle part of Asia]. Moscow: Vostochnaia literatura [in Russian].
- 26 Gern, fon, V.K. (1995). *Kharakter i nrvy kazakhov (Etnograficheskie zametki)* [The character and customs of the Kazakhs (Ethnographic notes)]. Zh.O. Artykbaev (Ed.). Karaganda: TOO “Nomad i Ko” [in Russian].
- 27 Dzhampeisova, Zh.M. (2004). *Funktsionirovanie traditsionnykh vlastnykh institutov kazakhov v kolonialnoi sisteme Rossiiskoi imperii* [The functioning of the traditional power institutions of the Kazakhs in the colonial system of the Russian Empire]. *Extended abstract of candidate’s thesis*. Almaty [in Russian].
- 28 *Arkhiv SPb. II RAN*. F. 179. Op. 1. D. 11. [ASPIHRAS. Fund 179. Case 1. Inv. 11] [in Russian].
- 29 *RGIA*. F. 853. Op. 1. D. 236. [RSHA. Fund 853. Case 1. Inv. 236] [in Russian].
- 30 Meindorf, E.K. (1975). *Puteshestvie iz Orenburga v Bukharu* [Journey from Orenburg to Bukhara]. (N.A. Khalфина, Preface). Moscow: Vostochnaia literatura [in Russian].
- 31 *Arkhiv SPb. II RAN*. F. 36. Op. 1. D. 524. [ASPIHRAS. Fund 36. Case 1. Inv. 524] [in Russian].
- 32 Bykov, A.Yu., & Boronin, O.V. (2003). *Ob etnicheskikh stereotipakh naseleniia Kulundinskogo raiona Altaiskogo kraia: vospriiatie russkimi i kazakhami drug druga* [On the ethnic stereotypes of the population of the Kulundinsky district of the Altai Ter-

ritory: the perception of each other by Russians and Kazakhs]. *Rossiiskaia zapadnaia Sibir — Tsentralnaia Aziia: novaia regionalnaia identichnost, ekonomika, bezopasnost: Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii* (24–25 maia 2002 g.) - *Russian Western Siberia — Central Asia: A New Regional Identity, Economy, Security: Materials of the International Conference*. (pp. 485-494). Beloukrikha, Barnaul: “AzBuka” [in Russian].

33 Bykov, A.Yu., & Boronin, O.V. (2003). Regionalnye aspekty rossiisko-kazakhstanskogo pogranichia (na primere Altaiskogo kraia Rossiiskoi Federatsii) [Regional Aspects of the Russian-Kazakh Borderland (on the example of the Altai Territory of the Russian Federation)]. *Tsentralnaia Aziia i Kavkaz. Zhurnal obshchestvenno-politicheskikh issledovaniy* (Lulio, Shvetsiia) - *Central Asia and the Caucasus. Journal of Socio-Political Studies* (Lulea, Sweden), 1(25), 180-188 [in Russian].

34 Oktiabrskaya, I.V. (2002). Kazakhskaya problema. Etnopoliticheskaya i etnokontsionalnaya situatsiya na yuge Sibiri [Kazakh problem. Ethnopolitical and ethnoconfessional situation in the south of Siberia]. *Rossia — Tsentralnaia Aziia: problemy migratsii i bezopasnosti. Materialy seminarov “Bezopasnost v “kontaknykh zonakh” Aziatskoi Rossii i Tsentralnoi Azii: opyt i praktika regulirovaniia etnopoliticheskikh napriazhenii* (26–27 fevralia 2002 g.) - *Russia — Central Asia: Migration and Security Issues: materials of the seminar “Security in the “Contact Zones” of Asian Russia and Central Asia: experience and Practice of regulating Ethnopolitical Tensions* (pp. 167-176). Barnaul, Izdatelstvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta [in Russian].

35 Vostrov, V.V. (1961). Rodoplemennoi sostav i rasselenie kazakhov na territorii Semirechenskoi oblasti (XIX — nachalo XX v.) [Tribal composition and resettlement of Kazakhs on the territory of the Semirechensk region (XIX — early XX century)]. *Novye materialy po arkheologii i etnografii Kazakhstana - New materials on archeology and ethnography of Kazakhstan*. Alma-Ata: Izdatelstvo Akademii nauk KazSSR, 119–135 [in Russian].

36 Tsentralnyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Uzbekistan (TsGA RUz). F. 1. Op. 2. D. 699 [Central State Archive of the Republic of Uzbekistan – CSARU. Fund 1. Case 2. Inv. 699] [in Russian].

37 Suleimenov, R.B., & Moiseev, V.A. (1988). Iz istorii Kazakhstana XVIII veka (o vneshnei i vnutrennei politike Ablai). [From the history of Kazakhstan in the 18th century (on foreign and domestic policy of Ablai)]. Alma-Ata: Nauka [in Russian].

38 Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii Ministerstva inostrannykh del Rossiiskoi Federatsii (AVPRI MID RF). F. 122. 1747 g. D. 3. [Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation — AFPREMFARF. Fund 122. 1747. Inv. 3] [in Russian].

39 Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (RGADA). F. 248. Op. 14. Kn. 803. 1745-1750 gg. [Russian State Archive of Ancient Acts (RSAAA). Fund 248. Case 14. Inv. 803. 1745-1750] [in Russian].

40 (1830). Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (PSZRI) [Complete collection of laws of the Russian Empire]. 1754–1757 g. Vol. XIV. Saint Petersburg: Tipografiia II Otdeleniia EIV Kantseliarii [in Russian].

41 Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti (GAOrO). F. 2. Op. 1. D. 9 [State Archive of the Orenburg Region – SAOR. Fund 2. Case 1. Inv. 9] [in Russian].

42 Smirnov, Yu.N. (2002). Sbornik ekstraktov imennykh ukazov 1734–1741 gg. (v komplekse materialov Orenburgskoi komisii — istochnikov po istorii otnoshenii Rossii s narodami Srednei Azii) [Collection of extracts of nominal decrees of 1734-1741. (in the complex of materials of the Orenburg Commission — sources on the history of Russia's relations with the peoples of Central Asia)]. *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva - Collection of the Russian Historical Society, Vol. 5*(133). D.Yu. Arapova (Ed.). Moscow: Russkaia panorama, 11–31 [in Russian].

43 RGADA. F. 248. 1758 g. Op. 113. D. 889. [RSAAA. Fund 248. 1758. Case 113. Inv. 889] [in Russian].

44 Kappeler, A. (1997). Mazepintsy, malorosy, khokhly: ukraintsy v etnicheskoi istorii Rossiiskoi imperii [Mazepins, Little Russians, Khokhols: Ukrainians in the Ethnic History of the Russian Empire]. *Rossia–Ukraina: Istoriia vzaimootnoshenii — Russia–Ukraine: The history of relations*. A.I. Miller, V.F. Reprintsev, B.N. Floria (Ed.). Moscow: Shkola “Yazyki russkoi kultury”, 125–145 [in Russian].

45 Remnev, A.V. (1996). General-gubernator Zapadnoi Sibiri A.O. Diugamel [Governor-General of Western Siberia A.O. Dugamel]. *Izvestiia Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeia - News of the Omsk State Museum of Local Lore*. Omsk, 4, 136–144 [in Russian].

46 Remnev, A.V. (2001). Imperskoe upravlenie aziatskimi regionami Rossii v XIX–nachale XX vekov: nekotorye itogi i perspektivy izucheniia [Imperial administration of the Asian regions of Russia in the 19th - early 20th centuries: some results and prospects for studying]. *Sibirskaya zaimka - Siberian zaimka*, 7 [in Russian].

47 Remnev, A.V. (2002). Sdelat Sibir i Dalnii Vostok russkimi: k voprosu o politicheskoi motivatsii kolonizatsionnykh protsessov XIX – nachala XX veka [Making Siberia and the Far East Russian: On the Question of the Political Motivation of the Colonization Processes of the 19th — Early 20th Centuries]. *Sibirskaya zaimka - Siberian zaimka*, 3; Remnev, A.V., (2002). Geograficheskie, administrativnye i mentalnye granitsy Sibiri XIX – nachalo XX v. [Geographical, administrative and mental borders of Siberia of the XIX–beginning of the XX century]. *Sibirskaya zaimka - Siberian zaimka*, 8 [in Russian].

48 Kappeler, A. (1993). Dve tendentsii v otnosheniakh Rossii k musulmanskim narodam Rossiiskoi imperii [Two Trends in Russia's Relations to the Muslim Peoples of the Russian Empire]. *Otechestvennaia istoriia - Domestic history*, 2, 129–135 [in Russian].

49 Arapov, D.Yu. (2002). Pervyi rossiiskii general-musulmanin Kutlu-Mukhammed Tevkelev [The first Russian Muslim general Kutlu-Mukhammed Tevkelev]. *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva - Collection of the Russian Historical Society, Vol. 5*(153). Moscow: Russkaia panorama, 32–37 [in Russian].

50 Moiseev, V.A. (1998). Rossia i Dzhungarskoe khanstvo v XVIII veke. (Ocherki vneshnepoliticheskikh otnoshenii). [Russia and the Dzungar Khanate in the 18th century (Essays on foreign policy relations)]. Barnaul: Izdatelstvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta [in Russian].

- 51 (1865). Materialy dlia geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami Generalnogo Shtaba. Kirgizskaia step Orenburgskogo vedomstva [Materials for the geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff. Kirghiz steppe of the Orenburg department]. Vol. 10 (L. Meier (Comp.). Saint-Petersburg: Tipografiia E. Veimara i F. Persona [in Russian].
- 52 (2020). Kazakhskoe dvorianstvo. XIX — nachalo XX vv.: monografiia v dokumentakh [Kazakh nobility. 19th – early 20th centuries: monograph in documents]. G.S. Sultangalieva (Ed.). G.S. Sultangalieva, U.Zh. Tuleshova (Comp.). Almaty: Qazaq universiteti [in Russian].
- 53 Bekmakhanov, E.B. (1949). Reaktsionnaia rol musulmanstva, dukhovenstva [The reactionary role of Islam, the clergy]. *Vestnik Akademii nauk Kazakhskoi SSR - Bulletin of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. 11*, 65–76 [in Russian].
- 54 Kiseleva, M.S. (2003). Knizhnik i uchenyi: Simeon Polotskii i Vasilii Tatishchev [Scribe and scientist: Simeon Polotsky and Vasilii Tatishchev]. *Chelovek mezhdru Tsarstvom i Imperiei. Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii “Chelovek mezhdru Tsarstvom i Imperiei: kulturno-istoricheskie realii, ideinye stolkoveniia, rozhdenie perspektiv” - A man between a Kingdom and an Empire. Materials of the international conference “Man between the Kingdom and the Empire: cultural and historical realities, ideological clashes, the birth of prospects” (14–15 noiabria 2002 g.)*, (pp. 201–209). Moscow: Institut cheloveka RAN [in Russian].
- 55 Kraft, I.I. (1898). Sbornik zakonov i kirgizakh stepnykh oblastei [Collection of laws on the Kirghiz of the steppe regions] Orenburg: Tipo-litografiia P.N. Zharinova [in Russian].
- 56 Zapiski Ivana Ivanovicha Nepliuieva (1693–1773) [Notes of Ivan Ivanovich Nepluyev (1693–1773)]. Saint-Petersburg, 1893; Orenburg: Izdatelstvo “Orenburgskaia guberniia”, 2004 (faksimilnoe izdanie), 198+VIII [in Russian].
- 57 Vishlenkova, E. Zaboias o dushakh poddannikh: religioznaia politika Rossii pervoi chetverti XIX v. [Caring for the souls of subjects: the religious policy of Russia in the first quarter of the 19th century]. Retrived from <http://mion.sgu.ru/books> [in Russian].
- 58 TsKhAF AK. F. 1. Op. 2 dop. D. 2. [CSAFAR. Fund 1. Case 2 Ad. Inv. 2] [in Russian].
- 59 (1964). Kazakhsko-russkie otnosheniia v XVIII–XIX vekakh (1771–1867 gody) (Sbornik dokumentov i materialov) [Kazakh-Russian relations in the XVIII-XIX centuries (1771–1867) (Collection of documents and materials)]. Alma-Ata: Nauka, 2 [in Russian].
- 60 (1979). Vneshniaia politika Rossii XIX — nachala XX veka. Dokumenty rossiiskogo Ministerstva inostrannykh del [Russia's foreign policy in the 19th and early 20th centuries. Documents of the Russian Ministry of Foreign Affairs]. Moscow: Nauka, 2, 3(11) [in Russian].
- 61 Arkhiv SPb. II RAN. F. 267. Op. 1. D. 90. [ASPIHRAS. Fund 267. Case 1. Inv. 90] [in Russian].
- 62 Tsentralnyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan (TsGA RK). F. 4. Op. 1. D. 3516. [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan – CSARK. Fund 4. Case 1. Inv. 3516] [in Russian].
- 63 Bekmakhanov, E.B. (1992). Kazakhstan v 20–40-e gody XIX veka [Kazakhstan in the 20–40s of the XIX century]. (2d ed). Alma-Ata: Qazaq universiteti [in Russian].
- 64 (1914). Sbornik materialov dlia istorii zavoevaniia Turkestanskogo kraia [Collection of materials for the history of the conquest of the Turkestan region]. T. 4. 1842 i 1843 god. A.G. Serebrennikov (Comp.). Tashkent: Tipografiia Shtaba Turkestanskogo voennogo okruga, 467+IV [in Russian].
- 65 RGIA. F. 1405. Op. 69. 1871 g. D. 7102-b. [RSHA. Fund 1405. Case 69. 1879/ Inv. 7102b] [in Russian].
- 66 (1999). Gubernatory Orenburgskogo kraia [Governors of the Orenburg Region]. V.G. Semenov, V.P. Semenova (Comp). Orenburg: Orenburgskoe knizhnoe izdatelstvo, 396 [in Russian].
- 67 Viatkin, M.P. (1939). Zhurnal Orenburgskogo muftiia [Journal of the Orenburg Mufti]. *Istoricheskii arkhiv - Historical Archive, Vol. 2*. Moscow–Leningrad: Izdatelstvo AN SSSR, 2 [in Russian].
- 68 Arkhiv SPb. II RAN. F. 36. Op. 1. D. 438. [ASPIHRAS. Fund 36. Case 1. Inv. 438] [in Russian].
- 69 (1869). Arkhiv Gosudarstvennogo Soveta [Archive of the State Council]. T. 1. Sovet v tsarstvovanie imperatritsy Ekateriny II (1768–1796 gg.) — Vol. 1. The Council during the reign of Empress Catherine II (1768–1796). Saint-Petersburg: Tipografiia.II otdeleniia EIV Kantseliarii, 1 [in Russian].
- 70 Arkhiv SPb. II RAN. F. 267. Op. 1. D. 7 [ASPIHRAS. Fund 267. Case 1. Inv. 7] [in Russian].
- 71 (1996). Rossiia, Zapad i musulmanskii Vostok v kolonialnuui epokhu [Russia, the West and the Muslim East in the Colonial Era]. Saint-Petersburg: Izdatelstvo “Dmitrii Bulanin” [in Russian].
- 72 Viatkin, M.P. (1947). Batyr Srym [Batyr Srym]. Moscow: Nauka [in Russian].
- 73 Yudin, P.L. & Baron, O.A. (1897). Igelstrom v Orenburgskom krae (1784–1792 i 1796–1798 gg.) [Igelstrom in the Orenburg region (1784–1792 and 1796–1798)]. *Russkii arkhiv - Russian archive*, Book 1, No. 4, 513–545. Moscow: Tipografiia Moskovskogo universiteta [in Russian].
- 74 (1858). Zamechaniia maiora Blankenagelia vposledstvie poezdki ego iz Orenburga v Khivu, v 1793–94 godakh [Major Blankenagel's remarks after his trip from Orenburg to Khiva in 1793–94]. Izdany s obiasneniiami V.V. Grigoreva. Saint-Petersburg: Tipografiia Morskogo ministerstva [in Russian].
- 75 Zimanov, S.Z. (1960). Politicheskii stroi Kazakhstana kontsa XVIII i pervoi poloviny XIX vv. [The political system of Kazakhstan at the end of the XVIII and the first half of the XIX centuries]. Alma-Ata: Izdatelstvo Akademii nauk Kazakhskoi SSR [in Russian].
- 76 Azamatov, D.D. (1994). Orenburgskoe Magometanskoe Dukhovnoe Sobranie v obshchestvennoi i dukhovnoi zhizni musulmanskogo naseleniia yuzhnogo Urala v kontse XVIII–XIX vv. [Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly in the social and spiritual life of the Muslim population of the southern Urals at the end of the 18th–19th centuries]. *Extended abstract of candidate's thesis* [in Russian].

- 77 Dashkovskii, P.K., & Shershneva, E.A. (2020). Islam i imperiia: polozhenie musulmanskikh obshchin Zapadnoi Sibiri v kontekste gosudarstvenno-konfessionalnoi politiki vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v. [Islam and Empire: the position of the Muslim communities of Western Siberia in the context of state-confessional policy in the second half of the 19th — early 20th centuries.]. Barnaul: Izdatelstvo Altaiskogo universiteta [in Russian].
- 78 Abdrakhmanova, B.M. (1998). Istoriia Kazakhstana: vlast, sistema upravleniia, territorialnoe ustroistvo v XIX veke [History of Kazakhstan: power, management system, territorial structure in the 19th century]. Astana: RAPO “Poligrafiiia” [in Russian].
- 79 Asanova, S.A. (1994). Islam v dukhovnoi kulture Kazakhstana nachala veka [Islam in the spiritual culture of Kazakhstan at the beginning of the century]. *Kazakhstan v nachale XX veka: metodologiia, istoriografiia, istochnikovedenie - Kazakhstan at the beginning of the XX century: methodology, historiography, source studies*. Almaty: TADAP [in Russian].
- 80 Mubarakzianov, M.A. (2011). Politika rossiiskogo pravitelstva v otnoshenii Malogo zhuzha v 80–90-e gg. XVIII v. i orenburgskii muftii M. Khusainov [The policy of the Russian government towards the Small Zhuz in the 80–90s. 18th century and Orenburg mufti M. Khusainov]. *Orenburgskoe Magometanskoe Dukhovnoe Sobranie i dukhovnoe razvitie tatarskogo naroda v poslednei chetverti XVIII–nachale XX vv.: Materialy nauchnogo seminara (Kazan, 18 dekabria 2009 g.) - Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly and the spiritual development of the Tatar people in the last quarter of the XVIII–early XX centuries: Materials of scientific research (pp. 100-107)*. Kazan: Institut istorii imeni Sh. Mardzhani Akademii nauk Respubliki Tatarstan [in Russian].
- 81 Danilina, M.V. (2000). Deiatelnost O.A. Igelstroma v 1770–1790-kh gg. [Activities of O.A. Igelstrom in the 1770s-1790s.] *Rabota na Vserossiiskuiu programm podderzhki molodykh issledovatelei “Shag v budushchee”. Rukopis na 19 listakh. Iz lichnogo arkhiva avtora - Work for the All-Russian program of support for young researchers “Step into the future”. Manuscript for 19 l.* From the personal archive of the author. 24 p. Barnaul [in Russian].
- 82 Arkhiv SPb. II RAN. F. 267. Op. 1. D. 106 [ASPIHRAS. Fund 267. Case 1. Inv. 106] [in Russian].
- 83 Arkhiv SPb. II RAN. F. 36. Op. 1. D. 495. [ASPIHRAS. Fund 36. Case 1. Inv. 495] [in Russian].
- 84 Dobrosmyslov, A. (1902). Zaboty imperatritsy Ekateriny II o prosveshchenii kirgizov [Concerns of Empress Catherine II about the enlightenment of the Kirghiz]. *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii - Proceedings of the Orenburg Scientific Archival Commission*. Vypusk IX. Orenburg: Gubernskaia tipografiia [in Russian].
- 85 Khokhlov, A.N. (2004). Poezdka V.V. Vereshchagina v Chuguchak v 1869 godu: Neizvestnye stranitsy puteshestvii russkogo khudozhnika po Tsentralnoi Azii [The trip of V.V. Vereshchagin to Chuguchak in 1869: Unknown pages of the Russian artist's travels in Central Asia]. *Vostochnyi arkhiv - Eastern Archive*, 11-12, 3–9 [in Russian].
- 86 Arkhiv SPb. II RAN. F. 267. Op. 1. D. 23 [ASPIHRAS. Fund 267. Case 1. Inv. 23] [in Russian].
- 87 RGIA. F. 1291. Op. 8. D. 126. 1827 g. [RSHA. Fund 1291. Case 8. Inv. 126. 1827] [in Russian].
- 88 (2002). Neizvestnyi Vladimir Ivanovich Dal. Orenburgskii kraj v ocherkakh i nauchnykh trudakh pisatel'ia [Unknown Vladimir Ivanovich Dal. Orenburg region in essays and scientific works of the writer]. Orenburg: Orenburgskoe knizhnoe izdatelstvo [in Russian].
- 89 Abdrakhmanova, B.M. (1991). Razrabotka M.M. Speranskim “Ustava o sibirskikh kirgizakh” 1822 g. i sotsialno-politicheskie instituty kazakhskogo obshchestva [Development of M.M. Speransky “The Charter of the Siberian Kirghiz” 1822 and the socio-political institutions of the Kazakh society]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 8, Istoriia - Bulletin of the Moscow State University. Series 8, History*, 4, 49-58 [in Russian].
- 90 (1948). Materialy po kazakhskomu obychnomu pravu [Materials on Kazakh customary law]. Alma-Ata: Izdatelstvo Akademii nauk Kazakhskoi SSR [in Russian].
- 91 (1891). Rasskaz iz zhizni kirgiz Nikolaevskogo uezda Turgaiskoi oblasti, s 1830 po 1880 gody [A story from the life of the Kirghiz of the Nikolaevsky district, Turgai region, from 1830 to 1880]. *Zapiski Orenburgskogo Otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. Vypusk IV - Notes of the Orenburg Department of the Imperial Russian Geographical Society. Issue 1*. Orenburg, 98–117 [in Russian].
- 92 Seidalin, T. (1870). O razvitii khlebopashestva po basseinu reki Turgaia [On the development of arable farming in the Turgay river basin]. *Zapiski Orenburgskogo Otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. Vypusk IV - Notes of the Orenburg Department of the Imperial Russian Geographical Society. Issue 1*. Orenburg, 234–257 [in Russian].
- 93 Arkhiv SPb. II RAN. F. 267. Op. 1. D. 26. [ASPIHRAS. Fund 267. Case 1. Inv. 26] [in Russian].
- 94 Sokolov, Yu.A. (1969). Nachalo voennykh deistvii protiv Kokandskogo khanstva i voprosy prisoedineniia ego k Rossii [The beginning of hostilities against the Kokand Khanate and the issues of its accession to Russia]. *Materialy po istorii prisoedineniia Srednei Azii k Rossii. Chast I. Nauchnye Trudy Tashkentskogo gosudarstvennogo universiteta imeni V.I. Lenina - Materials on the history of the annexation of Central Asia to Russia. Part I. Scientific works of Tashkent State University named after V.I. Lenin*. Tashkent [in Russian].
- 95 Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv (RGVIA). F. VUA. Op. 1. D. 1117 [Russian State Military Historical Archive – RSMHA. Fund MRA. Case 1. Inv. 1117] [in Russian].
- 96 Valikhanov, Ch.Ch. (1958). Zapiska o sudebnoi reforme [Note on Judicial Reform]. *Izbrannye proizvedeniia*. Alma-Ata: Nauka Kazakhskoi SSR, 196–235 [in Russian].
- 97 RGIA. F. 853. Op. 1. 1852-1860 gg. D. 93. [RSHA. Fund 853. Case 1. 1852-1860. Inv. 93] [in Russian].
- 98 Bykov, A.Yu. (2003). Istoki modernizatsii Kazakhstana (Problema sedentarizatsii v rossiiskoi politike XVIII — nachala XX veka) [The origins of the modernization of Kazakhstan (The problem of sedentarization in Russian politics in the 18th — early 20th centuries)]. Barnaul: Izdatelstvo “AzBuka” [in Russian].
- 99 RGIA. F. 853. Op. 1. 1852 g. D. 24. [RSHA. Fund 853. Case 1. 1852. Inv. 24] [in Russian].

- 100Kurnykin, O.Yu. (2002). Islamskii faktor v Kazakhstane: istoricheskii opyt i sovremennye realii [Islamic factor in Kazakhstan: historical experience and modern realities]. *Rossiiā–Tsentralnaia Aziia: problemy migratsii i bezopasnosti: materialy seminara “Bezopasnost v “kontaktnykh zonakh” Aziatskoi Rossii i Tsentralnoi Azii: opyt i praktika regulirovaniia etnopoliticheskikh napriazhenii (Barnaul, 26–27 fevralia 2002 g.) - Russia–Central Asia: Problems of migration and security: materials of the seminar: “Security in the “contact zones” of Asian Russia and Central Asia: experience and practice of regulating ethnopolitical tensions.* Barnaul: Izdatelstvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta [in Russian].
- 101Arkhiv SPb. II RAN. F. 267. Op. 1. D. 27. [ASPBIOSRSA. Fund 267. Case 1. Inv. 27.] [in Russian].
- 102Remnev, A.V. (2002). Tsentralno-Aziatskii imperskii treugolnik v geopoliticheskoi konstruktsii M.I. Veniukova [The Central Asian imperial triangle in the geopolitical construction of M.I. Venyukov]. *Rossiiā–Tsentralnaia Aziia: problemy migratsii i bezopasnosti: materialy seminara “Bezopasnost v “kontaktnykh zonakh” Aziatskoi Rossii i Tsentralnoi Azii: opyt i praktika regulirovaniia etnopoliticheskikh napriazhenii (Barnaul, 26–27 fevralia 2002 g.) - Russia–Central Asia: Problems of migration and security: materials of the seminar “Security in the “contact zones” of Asian Russia and Central Asia: experience and practice of regulating ethnopolitical tensions.* Barnaul: Izdatelstvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta, 71–80 [in Russian].
- 103Balkashin, N.N. (1887). O kirgizakh i voobshche podvlastnykh Rossii musulmanakh [About the Kirghiz and generally subject to Russia Muslims]. Saint-Petersburg: Tipografiia MVD [in Russian].
- 104Arkhiv SPb. II RAN. F. 267. Op. 1. D. 28. [ASPBIOSRSA. Fund 267. Case 1. Inv. 28] [in Russian].
- 105Lysenko, Yu.A. (2010). “Tatarskii vopros” v konfessionalnoi politike Rossiiskoi imperii v Kazakhstane (konets XVIII — nachalo XX v.) [“The Tatar Question” in the Confessional Policy of the Russian Empire in Kazakhstan (late 18th — early 20th centuries)]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta - Proceedings of the Altai State University, 3-4, 146–152* [in Russian].
- 106Popov, A.L. (1940). Iz istorii zavoevaniia Srednei Azii [From the history of the conquest of Central Asia]. *Istoricheskie zapiski - Historical notes.* Moscow–Leningrad, Vol. 9 [in Russian].
- 107TsGA RK. F. 64. Op. 1. D. 162. 1839 g. [CSARK. Fund 64. Case 1. Inv. 162. 1839] [in Russian].
- 108(1985). Kazakhskie poslovitsy i pogovorki [Kazakh proverbs and sayings]. M.A. Akkozina (compiled and translated). Second edition, revised and expanded. Alma-Ata: Kazakhstan [in Russian].
- 109Bukeikhanov, A.N. (1994). Knizhnoe imia ego Ibragim (Avraam) [His book name is Ibrahim (Abraham)]. *Slovo ob Abae. - A word about Abai,* Alma-Ata: Oner, 92–95 [in Russian].
- 110Eliseev, E. (1900). Zapiski missionera Bukonskago stana Kirgizskoi missii za 1892–1899 gg. [Notes of the missionary of the Bukonsky camp of the Kirghiz mission for 1892–1899]. Saint-Petersburg: Tipografiia E. Evdokimova [in Russian].
- 111Sinkovskii, F. (1884). Zapiski missionera Kirgizskoi missii, sviashchennika Filareta Sinkovskago, za posledniuiu tret 1882 goda (nachalo Kirgizskoi missii) i za 1883 god [Notes of the Missionary of the Kirghiz Mission, Priest Philaret Sinkovsky, for the last third of 1882 (the beginning of the Kirghiz Mission) and for 1883]. *Tomskie eparkhialnye vedomosti, Tom 7-8. Otdelnyi ottisk. Tomsk Diocesan Gazette, Vol. 7, 8. A separate impression.* Tomsk: Tipo-litografiia Mikhailova i Makushina [in Russian].
- 112Mukhamedov, Sh.B. (2013). Istoriko-istochnikovedcheskii analiz gosudarstvennogo regulirovaniia islama Rossiiskoi imperiei v Turkestane (1864–1917) [Historical and source analysis of the state regulation of Islam by the Russian Empire in Turkestan (1864–1917)]. *Akademii nauk Respubliki Uzbekistan, Institut istorii - Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Institute of History.* Tashkent: Baktria press [in Russian].
- 113Zhirenchin, K.A. (1996). Politicheskoe razvitie Kazakhstana v XIX — nachale XX vekov [Political development of Kazakhstan in the XIX — early XX centuries]. Almaty: Zheti zhargy [in Russian].
- 114TsGA RK. F. 25. Op. 1. D. 1471. [CSARK. Fund 25. Case 1. Inv. 1471] [in Russian].
- 115Radlov, V.V. (1989). Iz Sibiri: Stranitsy dnevnika [From Siberia: Diary Pages]. S.I. Vainshteina (Trans, notes and afterword). Moscow: Vostochnaia literatura, 752 [in Russian].
- 116Nebolsin, P. (1960). Puteshestvuiushchii kirgiz [Traveling Kyrgyz]. *Russkii vestnik. “Sovremennaia letopis” - Russian Bulletin. “Modern Chronicle”, 29, 41–49* [in Russian].
- 117Zhelunov, I.I. (1860). Kirgizomaniia [Kirghizomania]. *Russkii vestnik. “Sovremennaia letopis” - Russian Bulletin. “Modern Chronicle”, 30, 1, 45–51* [in Russian].
- 118Plotnikov, L. (1860). Po povodu stati: Puteshestvuiushchie kirgizy [Regarding the article: Traveling Kyrgyz]. *Russkii vestnik. “Sovremennaia letopis” - Russian Bulletin “Modern Chronicle”, 30, 1, 245–277* [in Russian].
- 119Geins, A.K. (1866). Kirgizskie ocherki [Kyrgyz essays]. *Voennyi sbornik - Military collection, 6, 305–348* [in Russian].
- 120RGIA. F. 1291. Op. 84. 1899 g. D. 38. Ch. I. [RSHA. Fund 1291. Case 84. 1899. Inv. 38. Part 1] [in Russian].
- 121(1914). Aziatskaia Rossiia [Asian Russia]. Chast 1. Liudi i poriadki za Uralom - Part 1. People and orders beyond the Urals. Saint-Petersburg, 578+VIII [in Russian].
- 122(1999). Istoriia filosofii: Zapad–Rossiiā–Vostok [History of Philosophy: West — Russia — East]. Kniga 3. Filosofiiā XIX–XX vv - Book 3. Philosophy of the XIX–XX centuries (2d ed). Moscow: Greko-latinskii kabinet Yu.A. Shichalina [in Russian].
- 123Lakost, de G. (1908). Rossiia i Velikobritaniia v Tsentralnoi Azii [Russia and Great Britain in Central Asia]. Tashkent: Izdanie Shtaba Turkestanskogo voennogo okruga [in Russian].
- 124Moiseev, V.A. (2001). Rossiia i tsinskii Kitai glazami musulmanskikh narodov Tsentralnoaziatskogo frontira (vtoraia polovina XIX–nachalo XX vv.). Doklad na Mezhdunarodnoi konferentsii “Rossiisko-amerikanskii frontier”. Rukopis. Iz lichnogo arkhiva avtora [Russia and Qing China through the eyes of the Muslim peoples of the Central Asian frontier (second half of the 19th–early 20th centuries). Report at the International Conference “Russian-American Frontier”. The manuscript. From the personal archive of the author, 6 [in Russian].

- 125(1885). Pisma N.I. Ilminskogo k ober-prokuroru Sviatishhego Sinoda K.P. Pobedonostsevu [Letters from N.I. Ilminsky to the Chief Prosecutor of the Holy Synod K.P. Pobedonostsev]. Kazan [in Russian].
- 126Alekseev, I.L. (2002). N.P. Ostroumov o problemakh upravleniia musulmanskim naseleniem Turkestanskogo kraia [Ostroumov on the problems of managing the Muslim population of the Turkestan Region]. D.Yu. Arapova (Ed.). *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva - Collection of the Russian Historical Society*, 5(133), 89–95. Moscow: “Russkaia panorama” [in Russian].
- 127Sabitov, N. (1950). Mekteby i medrese u kazakhov [Mektebs and madrasahs among the Kazakhs]. Alma-Ata: Nauka Kazakhskoi SSR [in Russian].
- 128Makhmutov, Z.A. (2017). Dukhovnaia i obrazovatelnaia deiatel'nost tatar v kazakhskoi stepi v kontekste vnutrennei politiki Rossiiskoi imperii (vtoraia polovina XVIII–nachalo XX veka) [Spiritual and educational activity of the Tatars in the Kazakh steppe in the context of the domestic policy of the Russian Empire (the second half of the 18th–early 20th centuries)]. *Samarskii nauchnyi vestnik - Samara Scientific Bulletin*, 6, 1(18), 113–117 [in Russian].
- 129(1957). Rabochee i agrarnoe dvizhenie v Kazakhstane v 1907–1914 godakh. Sbornik dokumentov i materialov [Labor and agrarian movement in Kazakhstan in 1907–1914. Collection of documents and materials]. Alma-Ata: Izdatel'stvo Akademii nauk Kazakhskoi SSR [in Russian].
- 130(1912). Rassmotrenie smety Pereselencheskogo Upravleniia na 1912 g. v Obshchem Sobranii Gosudarstvennoi dumy [Consideration of the estimate of the Resettlement Administration for 1912 in the General Assembly of the State Duma]. *Voprosy kolonizatsii - Colonization issues*, 11 [in Russian].
- 131Zapiski P.A. (2003). Stolypina po “musul'manskomu voprosu” [Notes by P.A. Stolypin on the “Muslim question”]. Preface, notes and comments by D.Yu. Arapova. *Vostok - East*, 2, 124–144 [in Russian].
- 132Zapiska S.Yu. (2003). Vitte po “musul'manskomu voprosu” 1900 g. [Note by S.Yu. Witte on the “Muslim question” in 1900] (Publikatsiia D.Iu. Arapova). *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva - Collection of the Russian Historical Society*, Vol. 1(155), 198–209. Moscow [in Russian].
- 133Kein, A. (2021). Rossiiskii khadz. Imperiia i palomnichestvo v Mekku [Russian hajj. Empire and pilgrimage to Mecca] (Trans). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [in Russian].
- 134Saidazimbaev, S.-G. (1909). Otchet Said-Gani Saidazimbaeva o dvizhenii musul'manskikh palomnikov v Mekku v 1908 godu [Report of Said-Gani Saidazimbaev on the movement of Muslim pilgrims to Mecca in 1908]. Saint-Petersburg: Tipografiia “Ekspres” V.S. Borozina [in Russian].
- 135(1990). “Turkestanskomu general-gubernatoru...”. Publikatsiia “Kratkogo otcheta o nastroenii musul'manskogo naseleniia v Turkestanskom krae k oktiabriu 1914 goda” [“To the Governor-General of Turkestan ...” Publication of a “Short Report on the Mood of the Muslim Population in the Turkestan Territory by October 1914”]. Yu.A. Sumarokova (Ed.). *Voenno-istoricheskii zhurnal - Military History Magazine*, 11, 79–87 [in Russian].
- 136TsGA RK. F. 64. Op. 1. D. 1430. [CSARK. Fund 64. Case 1. Inv. 1430] [in Russian].
- 137Bekmakanov, E.B. (1959). Novye materialy k tvorcheskoi biografii Abaia Kunanbaeva [New materials for the creative biography of Abay Kunanbaev]. *Uchenye zapiski Kazakhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya istoricheskaya - Scientific notes of the Kazakh State University. The series Historical*, 38, 4, 163–169 [in Russian].
- 138Beisenbaeva, S. (1994). 10 let pod sledstviem [10 years under investigation]. “Kazakhstanskaia Pravda” - “Kazakhstan truth”.
- 139Bukeikhanov, A. (1910). Kirgizy [Kirgiz]. *Formy natsionalnogo dvizheniia sovremennogo gosudarstva - Forms of the national movement of the modern state*. Saint-Petersburg [in Russian].
- 140(2002). Bezopasnost i mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v poise novykh granits Rossii [Security and International Cooperation in the Belt of Russia's New Borders]. L.B. Vardomskogo i S.V. Golunova (Eds.). Moscow–Volgograd: NOFMO [in Russian].
- 141(1932). Vosstanie 1916 goda v Srednei Azii. Sbornik dokumentov [The uprising of 1916 in Central Asia. Collection of documents]. P.G. Galuzo (Ed.). Tashkent: Gosizdat UzSSR [in Russian].
- 142Musyрманова, А.Ш. (1994). Vosstanie 1916 g. v Akmolinskoi i Semipalatinskoi oblastiakh [The uprising of 1916 in Akmo-la and Semipalatinsk regions]. *Valikhanovskie chteniia–2: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii. Chast I. -Valikhanov readings–2: materials of the scientific and practical conference. Part I*. Kokshetau: Gylym [in Russian].
- 143(1910). Rassmotrenie smety Pereselencheskogo Upravleniia na 1910 god v Obshchem Sobranii Gosudarstvennoi dumy [Consideration of the estimates of the Resettlement Administration for 1910 in the General Assembly of the State Duma]. *Voprosy kolonizatsii - Colonization issues*, 7, 429–508 [in Russian].
- 144Arkhiv Sankt-Peterburgskogo otdeleniia Instituta vostokovedeniia Rossiiskoi akademii nauk (Arkhiv SPb. Otdeleniia EIV RAN. Razd. III. Op. 1. D. 45. [Archive of the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences – ASPBIOSRSA. Fund III. Case 1. Inv. 45] [in Russian].
- 145Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GA RF). F. R6655. Op. 1. D. 29. [Russian State Archive – RSA. Fund R6655. Case 1. Inv. 29] [in Russian].
- 146(1972). Obrazovanie Soiuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik: sbornik dokumentov [Formation of the Union of Soviet Socialist Republics: collection of documents]. Moscow: Nauka [in Russian].
- 147Bykov, A.Yu. (2001). K voprosu ob avtonomii sibirskikh vlastei v reshenii mezhdunarodnykh problem v seredine XIX v. (na primere prisoedineniia Turkestanskogo kraia) [On the question of the autonomy of the Siberian authorities in solving international problems in the middle of the 19th century (on the example of the annexation of the Turkestan Region)]. *Sibir v sisteme mezhdunarodnykh svyazi: Sbornik nauchnykh statei i materialov - Siberia in the system of international relations: collection of scientific articles and materials*. V.P. Zinoveva (Ed.). Tomsk: Izdatekstvo Tomskogo universiteta [in Russian].